СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.
Въ Типографіи Θеофила Гликсберга.
1849.

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Ѳеофила Глыксберга.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ. 1845 Мая 23 дня.

Ценсоръ А. Ѳедотовъ - Чеховскій.

(*Цѣна 75 коп. серебр.*)

Въ продолженіе двадцати лѣтъ я собиралъ украинскія народныя пѣсни; и теперь приступаю къ новому, полнѣйшему ихъ изданію. Это изданіе, для отличія отъ двухъ прежнихъ, * *я называю* Сборникомъ Украинскихъ Пѣсень. *Не могу иначе выдать его, какъ по частямъ. Каждая часть будетъ содержать въ себѣ одинъ отдѣлъ пѣсень мужскихъ, и одинъ или два женскихъ. Въ шести частяхъ будетъ помѣщено около двухъ тысячь пѣсень. Половина ихъ собрана мною самимъ, преимущественно въ Полтавской губерніи. Другая половина ихъ и множество варіантовъ получены мною отъ разныхъ лицъ, со всѣхъ концовъ Южной Руси.* ** *Приношу мою*

* *Первое изданіе я напечаталъ въ Москвѣ, 1827 года, подъ названьемъ* Малороссійскія Пѣсни; *а второе напечатано тамъже, 1834 года, подъ названьемъ* Украинскія Народныя Пѣсни. *Въ первомъ было помѣщено 130 пѣсень мужскихъ и женскихъ; во второмъ 113 пѣсень мужскихъ.—Кромѣ того въ 1834 году я издалъ въ Москвѣ* Голоса Украинскихъ Пѣсень *(25 пѣсень съ музыкою А. А. Алябьева).*

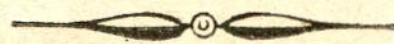
** *Сюда принадлежитъ и собраніе Рускихъ пѣсень, преимущественно Волынскихъ оставшееся послѣ покойнаго З. Я. Ходаковскаго. Оно куплено мною у его вдовы, и понынѣ находится у меня, какъ въ собственноручномъ подлинникѣ, такъ и въ копіи, переписанной въ Москвѣ, вскорѣ по смерти собирателя.*

благодарность всѣмъ, кто оказалъ мнѣ свое участіе въ этомъ Сборникѣ.

Къ каждому отдѣлу его я прилагаю нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. При шестой части я изложу особо мои наблюденія и замѣчанія о народномъ пѣснопѣніи рускомъ вообще, и въ особенности о пѣснопѣніи украинскомъ.

Но въ дѣлѣ искуства важенъ судъ художника; и потому я припомню здѣсь моимъ читателямъ мнѣніе Гоголя, * котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками украинскихъ пѣсень.

„Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о протекшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи.“



* См. статью Гоголя о Малороссійскихъ Пѣсняхъ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1834 г. Кн. 4.

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.



ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Думы отъ прочихъ украинскихъ пѣсень отличаются разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ (отъ 4 до 20, и даже больше). Такая *разномѣрность* стиха состоитъ въ связи съ *эпическимъ* свойствомъ украинской думы, которая лишь изрѣдка вдается въ *лирическій* тонъ пѣсни, принимая тогда и опредѣленный, пѣсенный размѣръ.

Разномѣрнымъ складомъ стиховъ, украинскія думы отличны и отъ великорускихъ повѣствовательныхъ пѣсень, и отъ *юнацкихъ* пѣсень сербскихъ, такъ строго выдерживающихъ 10-слоговую мѣру стиха. — Отъ тѣхъ и другихъ украинскія думы отличаются еще *рифмою*, столь привычною для пѣснопѣнія южнорускаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще бываетъ ихъ по-нѣскольку (до 10) на одну рифму. Зачатки такого склада можно примѣтить въ Пѣсни о полку Игоревѣ, * съ которою украинскія думы состоятъ въ ближайшемъ родствѣ, и посредствомъ которой онѣ примыкаютъ къ древнѣйшему южнорускому пѣснопѣнію, къ сожалѣнію утраченному.

Думы принадлежатъ исключительно украинскимъ *бандуристамъ*, которые и теперь еще встрѣчаются изрѣдка на лѣвой

* Наприм. въ слѣдующихъ стихахъ, вѣроятно Бояновыхъ:
„Всеславъ князь людемъ судяше,
Княземъ грады рядяше,
А самъ въ ночь вълкомъ рыскаше.“

сторонѣ Днѣпра.* Подобно рапсодамъ древней Греціи, которые воспѣвали своихъ героевъ, бряцая на струнахъ лиры или пандуры,—наши южнорускіе пѣвцы, обыкновенно слѣпые старцы, пѣли и теперь еще поютъ въ народѣ свои думы и пѣсни, играя при томъ на многострунной *бандурѣ*, обѣими руками. Такъ и нашъ „соловей стараго времени — Боянъ: не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ; но свои вѣщіе персты на живыя струны вскладалъ; и онѣ сами славу князьямъ рокотали!“

Южнорускіе пѣвцы, и черезъ четыре вѣка послѣ Бояна **, славили подвиги храбраго *товариства* козацкаго и украинскихъ витязей, между которыми были и князья рускіе, какъ напримѣръ, князь Дмитрій Вишневецкій, погибшій такою дивною смертью въ Царѣгородѣ (1574 года), и воспѣваемый въ народѣ донынѣ— подъ именемъ рыцаря Байды.

Вѣка 16-й и 17-й были временемъ процвѣтанія украинской думы. Въ прошломъ вѣкѣ, только Палѣй съ Мазепою—послѣ Полтавской побѣды, да Желѣзнякъ—послѣКолѣевщины (1768 года) — отозвались слабо въ стихахъ думныхъ; хотя пѣсня украинская жила еще производительно до конца 18-го вѣка. Послѣ того, на усталыхъ струнахъ украинской бандуры, повторялось только прежнее, иногда съ передѣлкою на новый ладъ.

Впрочемъ, историческія лица и воинскіе подвиги составляли хотя главный, но не единственный предметъ украинской думы. Любила она и семейную жизнь; и нерѣдко воспѣвала отношенія и чувства родственныя, въ поученіе своему народу.

* На правой сторонѣ Днѣпра, вмѣсто бандуристовъ, ведутся *лирники*.

** Боянъ, воспѣвавшій Всеслава Полоцкаго и другихъ князей, жилъ въ концѣ 11-го и въ началѣ 12-го вѣка (былъ современникъ Нестора).

Украинскій бандуристъ не былъ забавникомъ и скоморохомъ. Потѣшивъ иногда молодёжь краткимъ сказаньемъ объ удали козацкой, онъ внушалъ ей простодушныя, но глубоко-нравственныя понятія о томъ, что составляетъ святой долгъ человѣка. Строгая, иногда до суровости, дума бандуриста чуждалась даже любви между козакомъ и дѣвицею.

Впрочемъ народъ самъ былъ пѣвецъ; и въ тысячахъ пѣсень высказывалъ свою любовь и нелюбіе, свою радость и горе, свою тоску и веселье. Но пѣніе бандуристовъ служило дополненіемъ къ пѣснопѣнію народа,— также какъ оно само составляетъ необходимое дополненіе къ буднишной, работной жизни народа. Эта жизнь безъ пѣсни — была бы какъ *волъ молотящій.* И не потому ли у рускаго народа жить хорошо называется *жить припѣваючи*! —

Въ книжномъ свѣтѣ, украинскія думы стали извѣстны 1819 года, когда князь Цертелевъ издалъ девять думъ и одну пѣсню, подъ названьемъ: *Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней.* Послѣ того Срезневскій, въ своей *Запорожской старинѣ* (1833-34 г.), и другіе Малороссіяне, издали еще около десяти думъ. Мнѣ извѣстно ихъ до 30. Здѣсь помѣщаются слѣдующія 20 думъ. Тѣ, которыя нигдѣ не напечатаны, означены звѣздочкою. —

1. Отъѣздъ козака изъ родины.
2. Тоска сестры по братѣ.
3. Невольники.
* 4. Схватка козака съ Татариномъ.
5 Козакъ Голота.
* 6. Три брата.
7. Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.
8. На смерть атамана Федора Безроднаго.

1.

Отъѣздъ козака изъ родины. [1]

Въ недѣлю рано-порано не во всѣ дзвоны дзвонили,
Якъ у вдовинôмъ дому гомонѣли.
Лихій вôтчимъ козаченька молодого лае;
Мати сыну слêзно промовляе:
„Иди ты, сыну, мêжъ чужій люде,
Чи не лучче тобѣ на чужинѣ буде!
Нехай тебе чужій батько, сыноньку, не лае,
Счастя твого козацького навѣкъ не збавляе!
Тяжко, тяжко менѣ тебе зъ дому одправляти,
Аще тяжче бíля себе въ знегôдьѣ держати!
Хочъ пôйдешъ ты на чужину, слёзы менѣ лити;
Хочъ зоставлю тебе, сыну, по всякъ часъ тужити!"
То старшая сестра коненька выводить,
А середульша зброю выносить,
Що найменьша рыдае,
Словами промовляе:
„Изъ якой тебе, брате,
Сторононьки ждати: [2]

1. На этотъ предметъ, столь обыкновенный и вмѣстѣ столь значительный въ прежней Украинѣ, сложено множество пѣсень. Одна изъ нихъ (*Гомôнъ гомôнъ по дубровѣ...*) сходна съ этою думою; но которая изъ нихъ послужила образцомъ, рѣшитъ трудно.

2. Эти *три сторононьки* означены здѣсь вслѣдствіе любимаго

Чи одъ чистого поля,
Чи одъ Чорного моря,
Чи одъ славного Запорожя?"
— Вôзьми ты, сêстро, жовтого пѣску,
Да посѣй ты, сестро, на бѣлому камнѣ: [3]
Коли буде жовтый пѣсокъ выростати,
Зеленымъ барвѣнкомъ камêнь устилати, [4]
Въ той часъ буду, сестро, до васъ прибувати!
Бо якъ тяжко на безвôдьѣ рыбѣ пробувати,
Такъ тяжко на чужинѣ безрôдному проживати!"

То тее промовлявъ, на коня сѣдавъ, опрощенье
пріймавъ;
Смутно зъ двора отцевського козакъ выѣзжавъ.
Довго воны на могилѣ крâй села стояли;
Довго, довго козаченька вôчми проважали;
А ще довше воны ёго дома оплакали.

въ народной руской поэзіи представленія *о трехъ дороженькахъ*; (да и въ отношеніи къ другимъ предметамъ, число *три* господствуетъ въ поэзіи украинской).

3. Какъ поэтически этимъ *посѣвомъ* выражена невозвратность! Подобное изображеніе несбыточности — другими предметами, встрѣтимъ не разъ въ пѣсняхъ украинскихъ.

4. *Барвінокъ* (vinca), которому присвоено названіе *хрещатаго* и *зеленаго*, стелется по землѣ на всѣ четыре стороны, и отличается густою, постоянною зеленью своихъ листьевъ. Это одно изъ любимѣйшихъ растеній на Украинѣ, играющее важную роль въ народныхъ обрядахъ, и составляющее собою символъ *вѣрности* и *постоянства*.

2.

Тоска сестры по братѣ.

Не сизая зозуленька въ темно̂мъ лузѣ ковала, [5]
Не дро̂бная пташка въ саду щебетала;
Сестра зъ братомъ издале́ка розмовляла,
Поклонъ посылала.
„Братйку мо̂й милый,
Якъ голубонько сизый!
Прійди до мене изъ чужо̂й стороны;
Посѣти мене при лихо̂й годинѣ!“
— Сестро моя ро̂дненька,
Якъ голубонька сизенька!
Якъ я маю прибувати,
Тебе навѣщати,
За темными за лѣсами,
За дальными за степами,
За быстрыми за водами? —
„Черезъ темный лѣсъ—яснымъ соколомъ лети; [6]
Черезъ быстрый воды—бѣлымъ лебедемъ плыви;

5. *Зозуля* (кукушка) — птица сиротствующая въ самой природѣ, лишенная радости насиживать свое гнѣздо — составляетъ издревле въ народной руской поэзіи символъ *сиротства* и *родственной печали.* Въ украинскомъ пѣснопѣніи она является непрсстанно, какъ олицетворенная печаль матери по сынѣ, сестры по братѣ, жены по мужѣ, и т. д. Въ народномъ повѣрьи кукушкѣ придано еще свойство *вѣщеванья* и *прорицанья.*

6. Народная поэзія любитъ изображеніе своихъ предметовъ живыми предметами природы. — Нельзя не указать въ этой думѣ на

Черезъ степы далекій — перепе́лочкомъ бѣжи;
На моёмъ, брате, подвôрьѣ—ты голубонькомъ пади,
Добре слово взговори,
Мое сердце сиротськее звесели!
Чужій, брате, сестры зъ дому Божого идуть, [7]
Всѣ якъ бджо́лочки гудуть,
На хлѣбъ, на сôль людей закликають;
Мене-жъ, брате, словомъ не займають,
Мовъ въ вôчи не знають!
А якъ коли-сь зъ нами хлѣбъ-сôль поважали....
Въ той часъ кумами, побратимами звали!
А якъ пристигла несчастна година,
Названа и крôвна одреклась родина!"

3.

Невольники.

У святу недѣлю, не сизы орлы заклекотали,
Якъ то бѣдны невольники у тяжкôй неволѣ запла-
кали,

уподобленіе козака нѣсколькимъ птицамъ, сообразно различнымъ мѣстамъ, по которымъ онъ стремится (въ воображеніи его сестры). Это напоминаетъ то мѣсто въ Пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ — ,, Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду... и полетѣ соколомъ подъ мьглами."

7. Въ праздники всего живѣе чувствуется наше сиротство на родинѣ и безродье на чужбинѣ. Потому украинская поэзія, для изображенія разлуки, осиротѣнія и подобныхъ положеній, избираетъ обыкновенно праздничный день — *святу недѣлю.*

Угóру руки пôдыймали, кайданами забряжчали;[8]
Господа милосердного прохали да благали:
„Подай намъ, Господи, зъ неба дрôбенъ дожчикъ,
А зъ низу буйный вѣтеръ!
Хочáй-бы[9] чи не встала на Чорному морю быстрая хвиля;
Хочай-бы чи не повырывала якорôвъ зъ турецькои каторги![10]
Да ўже ся намъ турецька-бусурманська каторга надоѣла:
Кайданы-залѣзо[11] ноги поврывало,
Бѣле тѣло козацьке молодецьке коло жóвтои кости пошмугляло!“
Башá турецькій бусурманській,
Недовѣрокъ христіянській,
По рынку вôнъ похожае;
Вôнъ самъ добре тéе зачувае;
На слуги свои, на Турки-яныччаре зó-зла гукае:
„Кажу я вамъ, Турки-яныччаре, добре вы дбайте,
Изъ ряду до ряду захожайте,

8. Извѣстно, какъ много перенесла страданій Южная Русь въ прежніе вѣка. Тысячи народа ея, непрестанно уводимыя въ полонъ Татарами, томились въ тяжкой неволѣ въ Крыму и въ обѣихъ Турціяхъ. Освобожденіе невольниковъ силою оружія и выкупъ ихъ деньгами — считались на Украинѣ святымъ дѣломъ, на которое и бандуристы вызывали своими думами.

9. *Хочай* — хотя; *ачей* — авось, можетъ быть.

10. Слово *каторга* собственно означало галеру, на которой работали невольники и преступники.

11. *Кайданы* (съ арабс.) — кандалы. *Залѣзо* — желѣзо.

По три пучки тернины и червоной таволги [12] набйрайте,
Бѣдного невольника по-тричи въ однôмъ мѣсцѣ затинайте!"
То тѣ слуги, Турки-яныгаре, добре дбали,
Изъ ряду до ряду захожали,
По три пучки тернины и червоной таволги у руки набйрали,
По-тричи въ однôмъ мѣсцѣ бѣдного невольника затинали;
Тѣло бѣле козацьке молодецьке коло жовтой костй обвивали,
Кровъ христіянську неповинно проливали. —
Стали бѣдны невольники на собѣ кровъ христіянську забачати,
Стали землю турецьку, вѣру бусурманську клясти проклинати:
„Ты, земле турецька, вѣро бусурманська,
Ты розлуко христіянська!
Не одного ты розлучила зъ отцемъ, зъ матêрью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вѣрною жоною!
Вызволь, Господи! всѣхъ бѣдныхъ невольникôвъ
Зъ тяжкой неволй турецькой,
Зъ каторги бусурманськой!
На тихй вôды,
На ясны зорй,

12. *Таволга*—прибрежный гибкій кустарникъ (собственно spiraea).

У край веселый,
У міръ хрещеный,
Въ города христіянськй!
Дай, Боже! міру царському,
Народу христіянському,
Славу на многи лѣта! —

4.

Схватка съ Татариномъ. [13]

Ой де́-сь, ой де́сь [14] за Килимомъ - городомъ козаченько гуляе;
А зъ Килима - города Татаринъ поглядае.
Загадавъ Татаринъ Татарцѣ пару коней сѣдлати,
Да того козаченька доганяти.
Якъ выбѣгъ Татаринъ, старый бородатый,
На розумъ небагатый,
Выбѣгъ того козаченька доганяти.
„Ты козаченьку молодый,
Пôдъ тобою кониченько вороный!
Колибъ я тебе пôймавъ,

13. Удалой козакъ уходитъ отъ Татарина, отбиваясь отъ него *карбачемъ* (нагайкою); а между тѣмъ готовитъ ему пули, и давъ ему этотъ *гостинецъ* (такъ выражались встарину козаки; см. въ думѣ 10-ой), смѣется надъ его глупою похвальбою, что онъ козака еще не поймалъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ!

14. *Де-сь*—гдѣ-то. *Килимъ*, безъ сомнѣнія, значитъ *Килію*, городъ при устьѣ Дуная, гдѣ сложилъ свою голову одинъ изъ первѣйшихъ героевъ Козаччины — гетманъ Свирговскій.

Ябъ тебе у Килимъ - городъ запродавъ,
И срêбный за тебе гроши побравъ!"
А козаченько оглядается,
И карбачéмъ одбивается.
„Ой ты Татаринъ, старый бородатый,
Да на розумъ небагатый!
Ты мêжъ козаками не бувавъ,
И козацькой каши не ѣдавъ, [15]
И козацькихъ жáртôвъ не знаешъ.... [16]
Де-сь у мене бувъ зъ кулями гаманъ;
Яжъ тобѣ гостинця дамъ."
Якъ ставъ ёму гостинцѝ посылати,
Ставъ Татаринъ зъ коня похиляти.
„Ой ты Татаринъ, старый бородатый,
Да на розумъ небагатый!
Ище ты мене не пôймавъ,
Да ўже въ Килимъ - городъ запродавъ,
И срêбный за мене гроши побравъ!
Отъ-теперъ твого одного коня вороного
Поведу до шинкарки пропивати,
А другимъ твоймъ конемъ воронымъ
По Килиму-городу гуляти!
Ой гуляти, гуляти, гуляти,
Да единого Бога споминати!"

15. Это присловье козацкое: „Не пивъ воды дунайскои; не ѣвъ каши козацькои."

16. *Жарты* — шутки.

17. *Куля*—пуля; *гаманъ*—кожаный 4-угольный плоскій кисетъ.

5.

Козакъ Голота. [18]

Да на Саворъ-могилѣ [9] гулявъ козаченько, гулявъ,
Да ниякого дива не видавъ.
„Ой долино-ялино! скôльки я по тобѣ гулявъ,
Да ниякого дива не видавъ!“
Ой на полѣ на Киліянськôмъ
На шляху на Ордынськôмъ, [20]
То не ясный соколъ лѣтае,
То козакъ Голота сердечный добрымъ конемъ гуляе.
Ой ставъ Татаринъ къ ёму пріѣзжати,
Порошку на пôлку посыпати;
Сердечного козака Голоту сѣче да рубае;
Голота нагайкою стрѣлы одбивае.

18. Вотъ еще подобная схватка. Козакъ отбивается нагайкою отъ пуль или стрѣлъ Татарина, и осмѣиваетъ его съ головы до ногъ, уже не по разуму, а по одёжѣ его; между тѣмъ и самъ козакъ— *голôта* (голытьба). Впрочемъ это имя могло быть фамиліей козака. При началѣ войнъ Хмельницкаго, былъ козацкій полковникъ *Голота*, убитый въ Сентябрѣ 1649 г.

19. Южная Русь съ незапамятныхъ временъ усѣяна курганами или *могилами*, памятниками древнѣйшихъ ея обитателей. Многія украинскія могилы поминаются и въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, на прим. *Чорная*, *Перепетовы*. Въ украинской поэзіи представительницею степныхъ могилъ избрана *Саворъ-могила*, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ-то невдалекѣ р. Самары (см. дума 7).

20. Ненагулявшійся на Саворъ-могилѣ козакъ, отправился на знаменитое поле *Киліанское*, по дорогѣ *ордынской* (между Днѣстромъ и Дунаемъ).

„Гей ты, Татарюго, сѣдый бородатый,
На що ты ўповаешъ?
Чи на свою шапку-бирку,
Що шо́вкомъ шита,
Вѣтромъ по́дбита,
А зверху дѣрка? [21]
Чи на свои постолы бобровы,
Що воло́ки шовковы,
Въ-одно́сталь зъ валу? [22]
Чи на свою сермягу семилатную? [23]
Гей старый бородатый,
Да кому Богъ поможе!“..... [24]

„Ой ты Саворъ-могило! ско́льки я гулявъ,
Да такои добычи не добувавъ!“

21. Шапка *бирка* — смушковая, овчинная. Она съ *дыркою* сверху: отъ того и *вѣтромъ подбита!*

22. *Постолы* — кожаная обувь, въ родѣ лаптей; завязки на нихъ называются *воло́ками*. Въ насмѣшку названы постолы *бобровыми*; а воло́ки — *шелковыми*; между тѣмъ какъ онѣ изъ простаго несученаго *валу* (т. е. нитки, спряденной изъ охлопковъ). *Въ-одно́сталь* значитъ въ одну *сталку*; а *ста́лкою* называется каждая простая нитка, и каждая изъ тѣхъ бичевокъ, изъ которыхъ свита веревка.

23. *Сермяга* (слово общерускoе) означаетъ свиту сѣраго сукна. *Семилатною* называется шуточно изношенная свита въ *латкахъ* (т. е. въ заплатахъ). Есть и пословица: „на свитѣ сто́лько латъ, якъ у селѣ хатъ.“

24. Здѣсь подразумѣвается, что козакъ, съ помощью Божіей, полонитъ Татарина, и приводитъ въ козацкій таборъ.

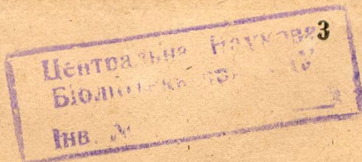
6.

Три брата. [25]

Ой усѣ поля Самарськѝ почорнѣли,
Ясными пожарáми погорѣли;
Тôльки не згорѣло у рѣчки Самарки,
У крыницѝ Салтанки,
Три терны дрôбненькихъ,
Три байраки зелененькихъ;
То тымъ воны не згорѣли,
Що тамъ три браты рôдненькихъ,
Якъ голубоньки сивеньки,
Постреляны да порубаны спочивали;
То тымъ воны спочивали,
Що на раны постреляны да порубаны дуже знемогали. —
Озоветься старшій братъ до середульшого словами,
Обôльеться гôркими слёзами:

25. Съ отдаленныхъ временъ у Южной Руси ведутся сказанья о трехъ-братьяхъ. Есть и могилы *три браты*, наприм. невдалекѣ отъ Василькова и подъ Переяславомъ. Такая же встрѣчается и между пограничными могилами земель Запорожскихъ. Въ описи тѣхъ земель, составленной 1764 г. войсковымъ асауломъ Андреемъ Порохнею (*Ист. Нов. Сѣчи*, с. 398) сказано: „потому называются *три браты* могилки, что при оныхъ, давними временами, три брата отъ нападенія татарскаго отбивались, съ коихъ одного убито, а двухъ живцемъ взято."

Въ этой думѣ тоже воспѣваются *три брата*. Цѣль думы — нравственно-религіозная мысль, высказанная устами меньшаго брата. Таже мысль развита пространнѣе въ думѣ *Черноморская буря*.



„Прошу я тебе, братйку мôй рôдненькій,
Якъ голубонько сивенькій!
Добре ты учини:
Хочъ изъ рѣчки Самарки,
Або зъ крыницû Салтанки,
Холодноû воды зайди,
Рапы моû постреляны да порубаны окропи, охолоди!“
То середульшій братъ тее зачувае,
До ёго словами промовляе:
„Братйку мôй рôдненькій,
Якъ голубонько сивенькій!
Чи ты менѣ, брате, вѣры не доймаешъ,
Чи ты мене на смѣхъ пôдыймаешъ!
Чи не одна насъ шабля порубала?
Чи не одна насъ куля постреляла?
Що маю я на собѣ девять ранъ—рубаны широкû,
А чотырû стреляны глыбокû!
Такъ мы дôбре, брате, учинѣмо,
Свого найменьшого брата попросѣмо:
Нехай найменьшій братъ добре дбае,
Хочъ на вкôлѣшки вставае,
Вôйськову сурéмку въ головахъ достягае, [26]
У вôйськову сурéмку добре грае, програвае;
Нехай бы насъ стали страннû козаки зачувати,
До насъ дохожати, смерти нашоû доглядати,
Тѣло наше козацьке молодецьке въ чистôмъ полѣ поховати!“

26. *Сурѐмка* или *сурма* (съ перенд. *сурна*) — труба.

То найменьшій братъ тее зачувае,
До старшихъ братôвъ словами промовляе:
„Братики мой рôдненькі,
Якъ голубоньки сивенькі!
Не есть се насъ шабля турецька порубала;
Не есть се насъ куля янычарська постреляла:
А есть се отцева й пані-ма́тчина молитва покарала!
Якъ мы увъ охотне вôйсько одъ отця одъ матері одъ роду одъѣзжали,
Мы зъ отцемъ зъ матêрью и зъ родомъ опрощенья не брали!
А якъ противъ церкви, дому Божого, проѣзжали,
Мы шапокъ зъ головы не зніма́ли,
Милосердного Бога на помочъ не прохали!"

7.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. [27]

Изъ города изъ Азова, не великій туманы вставали:
Три брата рôдненькихъ зъ тяжкой неволі ӯтѣкали.
Два кôнныхъ, третій пѣшій за ними пôдбѣгае;
На сыре́ корêнья,
На бѣле камêнья,
Нôжки свой козацькій посѣкае,

27. Вотъ еще дума о трехъ братьяхъ, прекрасная по живому изображенію внѣшней природы и внутреннихъ движеній душевныхъ.

Кровью слѣды заливае;
До кôнныхъ братôвъ добѣгае;
Словами промовляе:
„Станьте вы, братця! кóней попасѣте,
Мене пôдождѣте,
Съ собою вôзьмѣте,
До городôвъ христіяньскихъ пôдвезѣте!“
То середульшій тее зачувавъ, старшого пытавъ;
То старшій ёму словами промовлявъ:
„Чи щé-жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знати?
Якъ будемъ мы брата дожидати,
Буде насъ погоня доганяти,
Буде насъ стреляти, рубати;
Або въ тяжкôй роботѣ будемъ пропадати!“
„Коли-жъ мене, братця, не хочете ждати —
Ставъ меньшій промовляти:
То прошу васъ, братця, на праву сторону звертайте,
Шаблѝ изъ пôхвъ [28] вынѝмайте,
Тѣло мое порубайте,
Въ чистôмъ степу поховайте,
Звѣру да птицѣ на потáлу [29] не дайте! —
То середульшій тее зачувавъ,
Словами промовлявъ:
„Сёго, брате, зроду нѝгдé не чували,
Щобъ рôдною кровью шаблѝ обмывали,
Або гострымъ списомъ [28] опрощенье брали!“

28. *Пôхва* — ножны. *Списъ* — копье.
29. *Потала* — съѣденье; обида, напасть.

„Коли-жъ не хочете, братця, мене рубати;
То прошу васъ, братця, якъ будете до байраковъ[30] прибувати,
Терновы вѣтки въ заполье рубайте,
Менѣ признаку покидайте!“ —

То уже два козаки въ байраки въѣзжае;
Середульшій братъ милосердіе мае:
Верховѣтья у терновъ стинае,
Меньшому брату примѣту покидае.
А якъ стали на Муравській шляхъ[31] выѣзжати,
Нѣчимъ ёму признаки покидати;
Вонъ червону китайку съ-подъ жупана выдирае,
По шляху роскидае,
Меньшому брату примѣту оставляе.
То якъ ставъ пѣшеходецъ изъ терновъ выходити,
Ставъ червону китайку знаходити:
У руки хапае, дробными слёзами обливае.
„Недурно,[32] промовляе, червона китайка по шляху валяе;
Мабуть моихъ братовъ на свѣтѣ немае!
Мабуть за ними зъ города Азова погоня вставала,
Мене въ тернахъ на спочивѣ минала,

30. *Байракъ* — буеракъ. Многіе изъ тѣхъ байраковъ извѣстны издавна съ собственными именами, на прим. *Кошъ-бояракъ* (въ Книгѣ Большаго Чертежа).

31. *Муравскій шляхъ* — главная дорога изъ Крыма на Русь; шла отъ Перекопа на Ливны и Тулу (см. въ Книгѣ Большаго Чертежа).

32. *Недурно* — недаромъ.

Братôвъ моûхъ доганяла,
Стреляла, рубала!
Колибъ менѣ Богъ
Милосердный помогъ
Тѣло козацьке знаходити,
Въ чистôмъ степу хоронити!"
Що одно безвôдье,
Друге безхлѣбье,
Трете буйный вѣтеръ въ полѣ повѣвае,
Бѣдного козака изъ нôгъ валяе.
„Ой годѣжъ менѣ за кôнными братами уганяти;
Часъ менѣ козацькимъ ногамъ пôльгу [33] дати!"
То тее промовлявъ, до Саворъ-могилы прибувавъ,
Пôдъ Саворъ-могилою спочивавъ.
Въ той часъ сизы орлы налѣтали,
Пильно [34] въ очû козаковû заглядали.
Козакъ тее забачае,
Словами промовляе:
„Орлы сизопѣры,
Гостû моû милы!
Прошу я васъ тогдѣ налѣтати,
Зъ лоба очû менѣ высмыкати, [35]
Якъ не буду я свѣта Божого видати!"
То тее промовлявъ,
За часъ, за годину, милосердному Богу душу оддавъ.

33. *Пôльга* — льгота (также подкладное бревно для скатки колодъ).

34. *Пильно, спильна* — пристально.

35. *Смыкати* — дергать.

Тогдѣ орлы налѣтали,
Зъ лоба очи̂ высмыкали.
Тогдѣ ще й дрôбна птиця налѣтала,
Коло жовтои̂ кости̂ тѣло обби̂рала.
Вовки-сѣрома́ньци̂ [36] набѣгали,
Тѣло козацьке рвали,
По тернахъ, по балкахъ [37] жовту кôсть жвакували,
Жалôбненько квилили, проквиляли:
Тожъ воны козацькіи̂ похороны одправляли!
Де́-ся взялась сиза зозуленька;
Въ головкахъ сѣдала, жалôбно ковала;
Якъ сестра брата, або мати сына, оплакала.—

Стали кôнны браты до городôвъ христіянськихъ доѣзжати;
Стала къ и̂хъ сердцямъ велика туга налягати.
То середульшіи̂ братъ до старшого брата словами промовляе:
„Недурно къ нашимъ сердцямъ важкая туга налягае:
Ма́буть нашого брата живого на свѣтѣ немае!
Якъ будемо, брате, до отця й матери̂ прибувати,
Якъ будуть воны насъ пытати,
То що станемо казати?“
То старшіи̂ братъ тее зачувае,
До середульшого словами промовляе:

36. *Сѣроманецъ* — сѣрякъ (названіе, придаваемое волку).
37. *Балка* — степной оврагъ.

„ Скажемъ: не ў одного пана въ неволѣ бували,
Ночной добы [38] зъ неволѝ ўтѐкали,
Его сонного будили не збудили,
Тамъ ёго въ неволѣ й зостановили!“

То середульшій братъ тее зачувае,
До старшого брата словами промовляе:
„Якъ не будемъ отцю й матерѝ правды казати,
То буде насъ отцевська й ма́теринськa молитва карати!“
Тогдѣ старшѝ браты на поля Самарськѝ выѣзжають,
Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ мають,
Ко́ней попасають.

Въ той часъ безбожныѝ бусурманы набѣгали,
И тихъ двохъ братȏвъ порубали;
Тѣло козацьке карбовали, [39]
Въ чистȏмъ полѣ роскидали,
Го́ловы на шаблѝ здыймали,
Довго глумовали! [40]

---

38. *Доба* — пора, время.
39. *Карбовати* — рубить, пластать.
40. *Глумовати* — насмѣхаться, потѣшаться.

8.

На смерть атамана Безроднаго. [41]

По-надъ сагою [42]
Днѣпровою
Молодый козакъ обѣдъ обѣдае;
Не думае, не гадае,
Що на ёго молодого,
Ще й на чуру [43] малого,
Бѣда настигае.
То не вербы луговый зашумѣли, [44]
Якъ безбожны ушкалы налетѣли; [45]
Хведора Безрôдного,
Отамана курêнного,
Постреляли, порубали,
Тôльки чуры не пôймали.
То малый чура до козака прибувае,

41. Во время гетмана Богданка, Безродный служилъ войсковымъ писаремъ (1575-77). Онъ зовется и Федоромъ, и Фомою; но эта разница въ личномъ имени не большая важность. Подобныя разнорѣчія не рѣдки: самъ гетманъ Богданко встрѣчается въ разныхъ писаніяхъ подъ именемъ Федора и Якова; гетманъ Скалозубъ въ исторіи названъ Демьяномъ, а въ думѣ 10-й Семеномъ.

42. *Сага* — заливъ.

43. *Чура* или *джура* — оруженосецъ. При козацкихъ старшинахъ бывали безотлучные, вѣрные до послѣдняго конца оруженосцы, изъ молодыхъ козаковъ.

44. *Верба*, съ ея поникшими вѣтвями и листьями, составляетъ для украинской поэзіи символъ *печали* и *горя*; шумъ вербы знаменуетъ разлуку, смерть.

45. *Ушкалы* — разбойники.

Раны ёму глыбокій промывае.
То козакъ ёму промовляе:
„Чуро мôй, чуро,
Вѣрный слуго!
Пôйди ты степóмъ
По-надъ Днѣпромъ;
Послухай ты, чуро: чи то гуси кричять,
Чи лебедѝ ячять,
Чи ушкалы гудуть,
Чи може козаки Днѣпромъ идуть?
Коли гуси кричять, або лебедѝ ячять—то сжени;
Коли ушкалы гудуть — мене схорони;
Коли-жъ козаки идуть, то объяви,
Нехай воны човны [46] до берега привертають,
Мене Хведора Безрôдного навѣщають!“
То чура малый по берегу пробѣгавъ,
Козакôвъ забачавъ,
Шапкою махавъ, словами промовлявъ:
„Панове-молóдцѝ! добре вы дбайте,
Човны привертайте,
До отамана курêнного поспѣшайте!“
То козаки тее зачували,
До берега привертали,
Отамана навѣщали.
Тогдѣ козакъ чуру выхваляе,
Словами промовляе;
„Чуро мôй чуро,
Вѣрный слуго!

46. *Чôвенъ* — челнъ.

Коли ты будешъ вѣрно пробувати,
Будуть тебе козаки поважати!“
То тее промовлявъ,
Опрощенье зо всѣми бравъ,
Милосердному Богу душу оддавъ.
Тогдѣ козаки щаблями суходо̂лъ [47] копали,
Шапками, приполами персть выймали,
Хведора Безро̂дного ховали,
Въ семипяднӥ пищалӥ гремали,
У суре́мки жало̂бно выхваляли:
„То ще добре козацька голова знала,
Що безъ во̂йська козацького не ўмӥрала! [48]

9.

О Черноморскомъ походѣ гетмана Серпяги. [49]

Ой по Чорному да по глыбокому моречку,
По тихому да по далекому Дунаечку,

47. *Суходо̂лъ* — сухая земля.

48. Замѣчательно это краткое, но поэтическое изображеніе похоронъ и поминки куреннаго атамана. Для козака тяжела казалась смерть одинокая, безъ присмотра и безъ грусти отъ своихъ.

„Ой не дай же, Боже, на чужинѣ умерти,
Тамъ нѣкому доглянути козацькои смерти.
То̂льки воронъ-воронъ прилетить до тебе,
Да й сяде на тебе, да поклюе тебе!“

49. Черное море, знакомое Южной Руси еще со временъ Аскольда и Олега; — было поприщемъ для отваги козацкой. Пускаясь на него, въ своихъ *дубахъ* и *чайкахъ*, Запорожцы нерѣдко осаждали берега Крыма, давали знать себя и Варнѣ, и Синопу съ Трапезон-

Злая буря выхожае, выступае,
Козаков̂ъ до землѝ чужой проважае.
А изъ низу буйный вѣтеръ вѣе, повѣвае;
А по Чорному моречку супротивная хвиля встае,
Да по Чорному морю вовкомъ-сѣроманцемъ лае й гукае. —

Зобралися козаки товариши
Всѣ хоробрый Запорозцѝ
Про тую бурю мирковати, [50]
Тихой погодоньки по-надъ синѝмъ моремъ-дунаемъ под̂жидати.
Одну годину под̂жидали,
Другую под̂жидали;
А злая буря все бол̂ьшъ выступала,
Да й нѝ трошки [51] по Чорному морю глыбокому,
По Дунаечку далекому да широкому,
Тая буря не унѝмала;
А все злѣйшъ громомъ по небу тарахтала,
Да блискавкою [52] мѣжъ хмарами блискала. —

томъ. Морскими походами особенно прославился гетманъ Богданко (около 1575 г.). Преемникъ его *Иванъ Серпяга* или *Подкова* (такъ прозванный потому, что онъ могъ руками переломить двѣ подковы вмѣстѣ), во время своего гетманства въ 1577 году, также воевалъ по Черному морю.

50. *Мирковати* — совѣщаться.

51. *Трохи*, *трошки* — мало, немножко.

52. *Блѝскавка* — молнія.

От - тогдѣ гетьманъ Ивасенько Серпяга
Козакôвъ товаришôвъ до себе пôдзывае,
До козакôвъ товаришôвъ такъ и такъ промовляе:
„Ой вы, панове, рôдный мой братця,
Хоробрый мой товариши козаки - Запорозцû!
Слухомъ нûколи не слыхано,
Да й видомъ нûколи не видано,
Щобъ такая буря злая на козакôвъ такъ мôцно выступала й уставала,
Щобъ такимъ громомъ - блискавкою тарахтала й блискала,
Да щобъ вы, панове козаки товариши, ось - такъ довго - довгенько стояли,
Тихой погодоньки бûля [53] моря пôджидали!"
А козаки тее зачували,
Да й усѣ замовчали. —

„Колижъ мы той бусурманщины лякалися? [54]
Колижъ таки мы одъ ей де-нé-будь ховалися?
А теперечка, не то щобъ бусурманщины,
А то не то бурû изълякалися;
Тихой погодоньки пôджидаючи,
Да на злую й лихую бурю жалуючи,
Изовсѣмъ надорвалися!"
А козаки тее зачували,
Да й усѣ мóвчки замовчали;

53. *Бûля* — подлѣ, возлѣ.
54. *Лякъ* — испугъ, *лякати* — пугать.

Барзо, барзо раховали, [55] нйчого не промовляли;
Одинъ одного споглядали; въ походъ выступали.
От-сёжъ идуть воны день не день,
Не два, не три, й не чотырй;
А злая буря лихая да по Чорному моречку,
По далекому Дунаечку,
Барзо унймала;
Да й супротивная хвиля у свой домовины [56], у ковбанюги [57] бѣжала,
Да й тамъ пропадала.
А козаки Боговй молитвы посылали,
По три поклоны покладали, одпочинье мали.
А пôсля всѣ козаки въ походъ выступали;
Изъ своймъ хоробрымъ гетьманомъ,
Серпягою Иваномъ,
Тяжко нехриста розбивали.
Думали й гадали;
Да й пôдъ городомъ Керманомъ
Изъ бусурманськимъ салтаномъ
Примирье мали:
У ёго худобу [58] всю однймали,
Усѣхъ Татаръ-бурякôвъ розбивали й плѣндровали.
Тихою погодонькой, зъ гарною добыченькой, до-дому привертали.

55. *Раховати* — разсчитывать.

56. *Домовйна* — гробъ.

57. *Ковбаня*, увелич. *ковбанюга* — подводная яма.

58. *Худôба* — пожитки, имущество.

10.

О Самойлѣ Кушкѣ. [59]

I. Отплытіе галеры изъ Трапезонта въ Крымъ.

Ой изъ города изъ Трапезонта выступала галера,
Трёма цвѣтами процвѣтана, малёвана.
Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана —
    Златосинѝми киндяками побивана;
А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —
    Гарматами арештована;
Третѝмъ цвѣтомъ процвѣтана —
    Турецькою бѣлою габою [60] покровена.

59. Только по письму храбраго Сѣркà къ крымскому хану (23 Сент. 1675 г.) было извѣстно, что кошевой атаманъ или гетманъ Самойло Кушка воевалъ по Черному морю еще прежде гетмана Богданка (слѣдственно, *прежде 1576 года*).— Вотъ цѣлая поэма объ этомъ вождѣ запорожскомъ, который по ея сказанью, томился 54 года въ плѣну турецкомъ, на галерѣ. Трапезонтскій паша поѣхалъ на той галерѣ свататься въ г. Козловъ. Тамъ на радости музульмане напились до-пьяна. Старый Запорожецъ воспользовался этимъ; истребилъ музульманъ; и галера очутилась у острова Тендры, гдѣ находился тогда гетманъ Скалозубъ. Это было около *1588* года; слѣдственно Самойло Кушка воевалъ по морю и попался въ плѣнъ около *1534* года. Въ числѣ его товарищей главную роль играетъ Ляхъ Бутурлакъ, сотникъ Переяславскій, мастерски представленный въ думѣ; да и вся она исполнена описаніями истинно художественными. Для удобнѣйшаго ея уразумѣнія, я раздѣлилъ ее на главы.— Записалъ ее, отъ слѣпца-бандуриста въ Полтавской губерніи, г. Лукашевичь, издавшій *Малороссійскія и Червонорускія думы и пѣсни*. СПБ. 1836.

60. *Гармата* — пушка. *Габа* — бѣлое турецкое сукно.

То въ то̂й галерѣ Алканъ - Паша,
Трапезонськее княжя гуляе;
Избранного люду собѣ мае:
Се̂мсотъ Турко̂въ, янычаръ чотыри̂ста;
Да бѣдного невольника по̂вчвартáста, [61]
Безъ старшины во̂йськовой.
Первый старшій ме̂жъ ними пробувае
Кушка Само̂йло, гетьманъ запорозькій;
Другій, Марко Рудый,
Судья во̂йськовый;
Третій Мусѣй Грачь,
Во̂йськовый трубачь;
Четвертый Ляхъ - Бутурлакъ,
Клюшникъ галерській,
Сотникъ Переяславській, [62]
Недове̂рокъ христіянській,—
Що бувъ тридцять лѣтъ у неволѣ,
Двадцять чотыри̂ якъ ставъ по волѣ;
Потурчився, побусурманився,
Для паньства великого,
Для лакомства несчастного! —
Въ то̂й галерѣ одъ пристани̂ далеко одпускали,
Чорнымъ моремъ далеко гуляли;

61. *По̂вчвáрта*—значитъ $3^1/_2$; а *по̂вчвартаста* 350, также, какъ *по̂втора* (т. е. пол-втора) значитъ одинъ съ половиною.

62. По сказанью Конискаго, Малороссія раздѣлена на полки и сотни еще около *1516* года, въ гетманство князя Евстафія Рожинскаго.

Противъ Кефы города приставали,
Тамъ собѣ великій да довгій опочинокъ мали.

II. Сонъ Алкана-паши.

То представиться Алкану-Пашатѣ,
Трапезонському княжятѣ, молодому панятѣ,
Сонъ дивенъ, барзо дивенъ, на-прочудъ.[63]
То Алканъ-Паша,
Трапезонськее княжя,
На Турко̂въ-янычаръ, на бѣдныхъ невольнико̂въ покликае:
„Турки — каже — Турки-янычаре,
И вы, бѣдный невольники!
Который бы могъ Турчинъ-янычаръ, сей сонъ одгадати,
Могъ бы ёму три грады турецькій даровати;
А который бы могъ бѣдный невольникъ одгадати,
Могъ бы ёму листы вызволе́ны писати,
Щобъ не могъ ні̂хто ні̂где зачѣ̂пати!“
Сее Турки зачували, ні̂чого не сказали;
Бѣдны невольники, хочъ добре знали,
Собѣ промовчали.
То̂льки обо̂зветься мѣ̂жъ Турко̂въ Ляхъ-Бутурлакъ,
Клюшникъ галерській,
Сотникъ Переяславській,
Недовѣ̂рокъ христіянській:
„Якъ-же, каже, Алкане-Пашо, тво̂й сонъ одгадати,
Що ты не можешъ намъ повѣдати!“ —

63. *На-прочудъ* йли *на-прочудо* — на-диво.

„Такій менѣ, небожята, [64] сонъ приснився,
Бодай ни̂коли не явився!
Видиться: моя галера цвѣткована, малёвана,
Стала вся обо̂драна, на пожарѣ спускана;
Видиться: мои̂ Турки-янычары
Стали всѣ въ пень порубаны;
А видиться: мои̂ бѣдныи̂ невольники,
Которыи̂ були у неволѣ,
То всѣ стали по волѣ;
Видиться: мене гетьманъ Кушка
На три части̂ ростявъ,
Въ Чорнее море пометавъ....“

То скоро тее Ляхъ-Бутурлакъ зачувавъ,
Къ ёму словами промовлявъ:
„Алкане-Пашо, трапезонській княжату,
Молодыи̂ паняту!
Сей тобѣ сонъ не буде ни мало зачѣ̂пати;
Скажи менѣ получче бѣдного невольника догля-
дати,
Зъ ряду до ряду сажати,
По два, по три старыи̂ кайданы и новыи̂ испра-
вляти,
На руки, на ноги надѣвати;
Червонои̂ таволги по два дубци̂ [65] брати,

64. *Небожята* (въ единств. *небожя* или *небожа̀*) — голуб-чики. Впрочемъ *небожъ*, въ женс. *небога*, значатъ племянникъ, племянница.

65. *Дубе́цъ* — прутъ.

По шіяхъ затинати,
Кровъ христіянськую на землю проливати!“

Скоро то сее зачували,
Одъ пристанѝ галеру далеко одпускали:
До города до Козлова,
До дѣвки Санджаковны на залёты [66] поспѣшали.

III. Пиръ въ городѣ Козловѣ.

То до города Козлова прибували.
Дѣвка Санджаковна на встрѣчу выхожае,
Алкана-Пашу въ городъ Козловъ зо всѣмъ войсь-
комъ затягае.
Алкана-Пашу за бѣлу руку брала,
У свѣтлицѝ-камяницѝ зазывала,
За бѣлу скамью сажала,
Дорогими напитками наповала;
А войсько середъ рынку сажала.

То Алканъ-Паша,
Трапезонськее княжя,
Не барзо дорогій напитки ўживае,
Якъ до галеры двохъ Турчиновъ на-подслухи по-
сылае:
Щобъ не могъ Ляхъ-Бутурлакъ Кушки Самойла
одмыкати,
Упоручъ себе сажати!
То скоро ся тыѝ два Турчины до галеры прибували.
То Кушка Самойло, гетьманъ запорозькій

66. *Залёты* — сватовство. *Весѣлье* — свадьба.

Словами промовляе:
„Ой Ляше - Бутурлаче, брате старесенькій!
Коли-сь и ты бувъ въ такôй неволѣ, якъ мы тепера:
Добро намъ учини,
Хочъ насъ старшину одомкни;
Хай бы [67] и мы у городѣ побували,
Паньське весѣлье добре знали."

Каже Ляхъ - Бутурлакъ:
„Ой Кушко Самойлу, гетьмане запорозській,
Батьку козацькій!
Добро ты ўчини:
Вѣру христіянську пôдъ нозѣ пôдтопчи,
Хрестъ на собѣ поламни!
Аще будешъ вѣру христіянську пôдъ нозѣ топтати,
Будешъ у нашого пана молодого за рôдного брата пробувати!"

То скоро Кушка Самойло зачувавъ,
Словами промовлявъ:
„Ой Ляше - Бутурлаче, сотнику Переяславській,
Недовѣрку христіянській!
Бодай же ты того не дождавъ,
Щобъ я вѣру христіянську пôдъ нозѣ топтавъ!
Хочъ буду до смерти бѣду да неволю пріймати,
А буду въ землѣ козацькôй голову христіянську покладати!
Ваша вѣра погана,
Земля проклята!"

67. *Нехай*, сокращенно *хай* (по-червоноруски *най*)—пусть.

Скоро Ляхъ-Бутурлакъ тее зачувае,
Кушку Самойла у щоку затинае.
„Ой! — каже — Кушко Самойлу, гетьмане запорозській!
Будешъ ты мене въ вѣрѣ христіянськôй укоряти,
Буду тебе паче всѣхъ невольникôвъ доглядати,
Старый и новый кайданы направляти,
Ланцюгами за-по́перекъ втрое буду тебе брати!“ —

То тѣ два Турчина тее зачували,
До Алкана-Паши прибували:
„Алкане-Пашо, Трапезонськее княжя!
Беспечно гуляй,
Доброго и вѣрного клюшника маешъ:
Кушку Самойла въ щоку затинае,
Въ турецьку вѣру ввертае!“
То Алканъ-Паша,
Трапезонськее княжя,
Великую радость мало:
По-поламъ дорогій напитки роздѣляло,
Половину на галеру одсылало,
Половину зъ дѣвкою Санджакôвною уживало.

Ставъ Ляхъ-Бутурлакъ дорогій напитки пити-пôдпивати;
Стали умыслы козацьку голову клюшника розбивати.
„Господи! есть у мене що испити и исходити,
Тôльки нѣ-съ-кѣмъ объ вѣрѣ христіянськôй розговорити....“

До Кушки Самойла прибувае,
Поручъ себе сажае,
Дорогого напитка метае,
По два, по три кубки въ руки наливае.

То Самойло Кушка по два, по три кубки въ руки бравъ:
То въ рукава, то въ пазуху, скрôзь хусту третю до-долу пускавъ.
Ляхъ Бутурлакъ по единому выпивавъ:
То такъ напився,
Що зъ нôгъ звалився.

IV. Приготовленіе галеры къ побѣгу.

То Кушка Самойло да угадавъ:
Ляха-Бутурлака до лôжка вмѣсто дитяти спати клавъ;
Самъ восêмдесятъ-чотырй ключи съ-пôдъ головъ выймавъ,
На пяти чоловѣкъ по ключу дававъ:
„Козаки-панове! добре майте,
Одинъ другого одмыкайте,
Кайданы изъ нôгъ, изъ рукъ не кидайте,
Полуночной годины дожидайте!"

Тогдѣ козаки одинъ другого одмыкали;
Кайданы изъ рукъ, изъ нôгъ не кидали,
Полуночной годины дожидали.
А Кушка Самойло чого-сь догадавъ,

За бѣдного невольника ланцюгами втрое себе принявъ;
Полуночной години дожидавъ.
Стала полуночная година наступати,
Ставъ Алканъ-Паша зъ вôйськомъ до галеры прибувати.
То до галеры прибувавъ,
Словами промовлявъ:
„Вы, Турки-яныччаре, по-маленьку ячѣте,
Моего вѣрного клюшника не збудѣте!
Сами же добре по-мѣжъ рядами прохожайте,
Всякого человѣка осмотряйте!
Бо тепера вôнъ пôдгулявъ,
Щобы кому пôльги не давъ.....“

То Турки-яныччаре свѣчи̂ у руки брали,
По-мѣжъ рядôвъ прохожали,
Всякого чоловѣка осмотряли....
Богъ помогъ!... за замóкъ руками не пріймали!—
„Алкане-Пашо, беспечно почивай!
Доброго и вѣрного клюшника маешъ:
Вôнъ бѣдного невольника зъ ряду до ряду посажавъ,
По три, по два старыи̂ кайданы посправлявъ;
А Кушку Самойла ланцюгами утрое принявъ.“

Тогдѣ Турки-яныччаре у галеру вхожали,
Беспечно спати полягали;
А который хмельны бували, на сонъ знемагали,
Коло пристани̂ Козловськои̂ спати полягали.—

V. Освобожденіе галеры отъ турковъ.

Тогдѣ Кушка Самойло полуночной години дождавъ:
Самъ мêжъ козакôвъ уставъ;
Кайданы изъ рукъ, изъ нôгъ у Чорнее море поронявъ;
У галеру вхожае, козакôвъ пробужае,
Шаблй булатный на выбôръ выбйрае,
До козакôвъ промовляе:
„Вы, панове-молодцй, кайданами не стучѣте,
Ясины не ўчинѣте,
Нй которого Турчина въ галерѣ не збудѣте!....“
То козаки добре зачували:
Сами зъ себе кайданы скидали,
У Чорнее море кидали,
Нй одного Турчина не збудили.
Тогдѣ Кушка Самойло до козакôвъ промовляе:
„Вы, козаки-молодцй! добре, братіе, майте!
Одъ города Козлова забѣгайте,
Туркôвъ-янычарôвъ въ пень рубайте,
Которыхъ живцемъ у Чорнее море бросайте!“
Тогдѣ козаки одъ города Козлова забѣгали,
Туркôвъ-янычаръ въ пень рубали,
Которыхъ живыхъ въ Чорнее море бросали.
А Кушка Самойло Алкана-Пашу изъ лôжка взявъ,
На три частй ростявъ,
У Чорнее море побросавъ;
До козакôвъ промовлявъ:

„Панове-молодцѝ! добре дбайте,
Всѣхъ у Чорнее море бросайте,
Тôльки Ляха-Бутурлака не рубайте,
Между вôйськомъ для порядку, за ярызу[68] вôйськового, зоставляйте!"
Тогдѣ козаки добре мали:
Всѣхъ Туркôвъ у Чорнее море пометали;
Тôльки Ляха-Бутурлака не зрубали,
Между войськомъ, для порядку, за ярызу вôйськового, зоставляли.

VI. Плаванie галеры къ днѣпровскому лиману. Плачь Санджаковны. Поздравленie Алкана-паши.[69]

Тогдѣ галеру одъ пристанѝ одпускали,
Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли.—
Да ще у недѣлю барзо рано-пораненьку,
Не сива зозуля заковала,
Якъ дѣвка Санджакôвна коло пристанѝ похожала,
Да бѣлы руки ламала, словами промовляла:
„Алкане-Пашо, Трапезонськее княжату,
На що ты на мене такее великее пересердіе маешъ,

68. *Ярыза*, или правильнѣе *ярыга*—сыщикъ.

69. Въ этомъ плачѣ невѣсты и поздравленiи жениха высказывается юморъ украинскiй. (Неизбѣжнымъ мѣстомъ поздравленiя названъ *Цареградъ*.... Не называлась ли именемъ *Царе-града*, или инаго *града*, какая нибудь турецкая крѣпость? Но и то быть можетъ, что позднѣйшiе бандуристы перемѣшали здѣсь имена городовъ, и что сватовство Алкана-Паши происходило не въ Козловѣ, а въ Кефѣ, гдѣ имѣлъ свое мѣстопребыванiе губернаторъ турецкiй).

Що одъ мене сёгодня барзо рано выѣзжаешъ?
Когда бы була одъ отця и матерй
Сорома и наруги приняла,
Зъ тобою хочъ едину нôчъ переночовала!"
Скоро ся тое промовляли,
Галеру одъ пристани одпускали,
Сами Чернымъ моремъ далеко гуляли.
А ще у недѣлоньку,
У полуденну годиноньку,
Ляхъ-Бутурлакъ одъ сна пробуждае,
По галерѣ поглядае, що ни единого Турчина у галерѣ немае.
Тогдѣ Ляхъ-Бутурлакъ изъ лôжка вставае,
До Кушки Самойла прибувае, у ноги впадае:
„Ой Кушко Самойлу, гетьмане запорозській,
Батьку козацькій!
Не будь же ты на мене,
Якъ я бувъ на останцѣ вѣка моего на тебе!
Богъ тобѣ допомогъ непріятеля побѣдити,
Да не умѣтимешъ у землю христіянську входити!
Добре ты учини:
Половину козакôвъ у оковы до опачинъ [70] посади,
А половину у турецькее дорогее платье наряди;
Бо ще будемо отъ города Козлова до города Цареграда [69] гуляти,
Будуть изъ города Цареграда дванадцять галеръ выбѣгати,

70. *Опачйна* — большое весло.

Будуть Алкана-Пашу зъ дѣвкою Санджакôвною
По залётахъ поздравляти:
То якъ будешъ отвѣтъ оддавати?...."
Якъ Ляхъ-Бутурлакъ научивъ,
Такъ Кушка Самойло гетьманъ запорозськiй учинивъ:
Половину козакôвъ до опачинъ у оковы посадивъ,
А половину у турецькее дорогее платье нарядивъ.
Стали одъ города Козлова до города Цареграда гуляти,
Стали изъ Цареграда дванадцять галеръ выбѣгати,
И галеру изъ гарматы торкати, —
Стали Алкана-Пашу зъ дѣвкою Санджакôвною
По залётахъ поздравляти.
То Ляхъ-Бутурлакъ чого-сь догадавъ:
Самъ на чердакъ выступавъ,
Турецькимъ бѣленькимъ завивàломъ махавъ;
Разъ то мóвить по-грецьки,
У друге по-турецьки;
Каже: „вы Турки-яньичаре, по-маленьку, братiя, ячѣте,
Одъ галеры одвернѣте;
Бо тепера вôнъ пôдгулявъ, на упокоѣ почивае,
На похмѣлье знемагае,
До васъ не встане, головы не зведе.
Казавъ: якъ буду назадъ гуляти,
То не буду вашой милостй и по вѣкъ забувати!„
Тогдѣ Турки-яньичаре одъ галеры одвертали,
До города Цареграда убѣгали:

Изъ дванадцяти штукъ гарматъ гремали, —
Яссу воздавали. —
Тогдѣ козаки собѣ добре дбали:
Сѣмъ штукъ гарматъ собѣ арештовали,
Яссу воздавали,
На Лиманъ-рѣку испадали,
Къ Днѣпру-Славутѣ [71] низенько укланяли:
„Хвалимъ Тя, Господи, и благодаримъ!
Були пятьдесятъ чотырй годы у неволѣ,
А тепера чи не дасть намъ Богъ хоть часъ по волѣ!

VII. Прибытіе галеры къ козакамъ, къ острову Тендрѣ. [72]

А у Тендровѣ островѣ Семенъ Скалозубъ
Зъ войськомъ на заставѣ стоявъ,
Да на тую галеру поглядавъ,
До козаковъ словами промовлявъ:
„Козаки, панове-молодцй! що сія галера — чи блудить,
Чи свѣтомъ нудить,
Чи много люду царського мае,
Чи за великою добычью ганяе?
То вы добре майте:
По двѣ штукъ гарматъ набйрайте,
Тую галеру изъ грозной гарматы привѣтайте
Гостинця ѐй дайте!“

71. Днѣпръ козаки величали именемъ *Славуты*. Это велось издревле, какъ видно изъ Пѣсни о полку Игоревѣ: „О Днѣпре Словутицю!“

72. Островъ *Тендровъ* или *Тендра* невдалекѣ отъ Кинбурской Косы, противъ устья Днѣпровскаго.

Тогдѣ козаки промовляли:
„Семене Скалозубе, гетьмане запорозській,
Батьку козацькій!
Де-сь ты самъ боишься
И насъ козакôвъ страшишься:
Есть сія галера не блудить,
Ни свѣтомъ нудить,
Ни много люду царського мае,
Ни за великою добычью ганяе:
Се, може, ѐ давнїй, бѣдный невольникъ изъ неволї утѐкае...."
„Вы вѣры не доймайте,
Хочъ по двѣ гарматы набîрайте:
Тую галеру изъ грозной гарматы привѣтайте,
Гостинця ѐй дайте:
Якъ Турки-япычаре, то у пень рубайте;
А якъ бѣдный невольникъ, то помочї дайте!"
Тогдѣ козаки, якъ дѣти, не гараздъ починали,
По двѣ штуки гарматъ набîрали:
Тую галеру изъ грозной гарматы привѣтали,
Три дóски у суднѣ выбивали,
Воды Днѣпровськой напускали....

Тогдѣ Кушка Самойло, гетьманъ запорозській
Чого-сь отгадавъ,
Самъ на чердакъ выступавъ;
Червоный, хрещатый, давнїй корогвы [73] изъ кишенї вынîмавъ,

73. *Корогва* — хоругвь, знамя. У козаковъ (по крайней мѣрѣ,

Роспустивъ,
До воды похиливъ;
Самъ низенько уклонивъ:
„Козаки, панове-молодцѝ! сія галера не блудить,
Ни свѣтомъ нудить,
Ни много люду царського мае,
Ни за великою до́бычъю ганяе:
Се есть давнѝй, бѣдный невольникъ
Кушка Самойло изъ неволѝ утѣкае;
Були пятьдесятъ чотырѝ годы у неволѣ,
Теперъ чи не дасть Богъ хоть на часъ по волѣ!"

VIII. Раздѣлъ добычи. Поздравленіе Самойла Кушки. Поминка по немъ.

Тогдѣ козаки у каюки скакали;
Тую галеру за малёваны облавки брали,
Да на пристань стягали;
Одъ дуба до дуба
На Семена Скалозуба
Паёвали;
Тую галеру да на пристань стягали.
Тогдѣ: златосинѝй киндяки на козаки,
Златоглавы [74] — на отаманы,

въ ихъ войны съ Поляками) были знамена *червоныя*, *хрещатыя* (т. е. красныя, съ изображеніемъ креста). Старый вождь запорожскій, въ полувѣковомъ плѣну своемъ, сберегъ козацкое знамя; и распустилъ его въ виду козаковъ, невдалекѣ Днѣпровскаго Лимана.

74. *Златоглавъ* и *среброглавъ* — глазетъ.

Турецькую бѣлую габу — на козаки на бѣляки;
А галеру на пожаръ спускали.
А срêбро, злато — на три части паêвали:
Первую часть брали, на церкви накладали,
На Святого Межигорського Спаса,
На Трехтемировській манастырь,
На святую Сѣчовую Покровъ давали, — [75]
Которы давнîмъ козацькимъ скарбомъ будовали,
Щобъ за îхъ, вставаючи и лягаючи,
Милосердного Бога благали.
А другую часть по-мêжъ собою паêвали;
А третюю часть брали,
Очертами сѣдали,
Пили да гуляли,
Изъ семипядныхъ пищалей гремали,
Кушку Самойла по волѣ поздоровляли:
„Здоровъ, кажуть, здоровъ, Кушко Самойлу,
Гетьмане запорозській!
Не загинувъ еси у неволѣ,
Не загинешъ и зъ нами козаками по волѣ!“

---

75. Запорожцы до послѣдняго времени были оченъ набожны и щедры на церковное подаяніе. Нерѣдко и свой вѣкъ доживали они въ монастыряхъ. Особенно уважались у нихъ два наддѣпровскіе монастыря: *Успенскій Терехтемировскій*, отданный имъ Стефаномъ Баторіемъ, и *Спаскій Межигорскій*, къ которому съ 17-го вѣка Запорожцы приписались какъ прихожане; и не иначе принимали священниковъ, въ свою Сѣчевую Покровскую церковь, какъ изъ Межигорцевъ. Оба монастыря существовали до исхода прошлаго столѣтія.

Правда, панове, полягла
Кушки Самойла голова,
Въ Кіевѣ - Каневѣ манастырѣ.... [76]
Слава не ўмре, не поляже!
Буде слава славна:
По - мѣжъ козаками,
По - мѣжъ друзьями,
По - мѣжъ рыцарями,
По - мѣжъ добрыми молодцями.
Утверди, Боже! люду царського,
Народу христіяньского,
Войська Запорозського,
Доньского,
Съ сіею черню Днѣпровою,
Низовою,
На многія лѣта,
До конця вѣка!

11.

Черноморская буря.

На Чорному морѣ, на бѣлому камнѣ
Ясненькій соколъ жалобно квилить, проквиляе,
Смутно себе мае, на Чорнее море спильна поглядае,
Що на Чорному морю недобре ся-починае:

76. Въ монастырѣ Каневскомъ погребены были три вождя запорожскіе: *Подкова*, *Жахъ* и *Кушка*. Этотъ монастырь также уже не существуетъ.

Що на небѣ усѣ звѣзды потмарило,
Половина мѣсяця въ хмары вступило;
А изъ низу буйный вѣтеръ повѣвае,
А по Чорному морю супротивна хвиля уставае,
Судна козацькіи на три частіи розбивае:
Одну часть взяло,
Въ землю Агарську занесло;
Другу часть горло
Дунайське пожерло;
А третя — де ся - мае?
Въ Чорному морѣ потопае! — [77]
При той частіи бувъ Грицько Зборовській, [78]
Отаманъ козацькій запорозській.
Той по судну похожае, словами промовляе:

77. Бандуристъ изобразилъ морскую бурю, что бы смирять ею буйство украинской молодежи, такъ часто уходившей *козаковатъ* на Запорожье, безъ благословенія родительскаго. — На козацкихъ ладьяхъ есть грѣшникъ, почитаемый за праведника. Черное море не выноситъ его на себѣ, и волнуется. Козакъ, приноситъ открытую покаянную исповѣдь, творитъ молитву — и морская буря утихаетъ.

78. Этотъ козацкій вождь,—какъ справедливо замѣтилъ г. Грабовскій (въ разборѣ моего втораго изданія *Украинскихъ Пѣсенъ*, напечатанномъ во 2 части его сочиненія Literatura i Krytyka, Wilno, 1837) — есть тотъ *Самуилъ Зборовскій*, который послѣ изгнанія своего изъ Польши (1574 г., за дуэль съ Тенчинскимъ), служилъ при Стефанѣ Баторіѣ, и въ козацкихъ отрядахъ при гетманѣ Свирговскомъ; а потомъ (между 1579 — 83 г. былъ самъ выбранъ въ гетманы Запорожцами, и ходилъ съ ними на Черное море. Въ 1584 г. онъ казненъ въ краковѣ, канцлеромъ Ив. Замойскимъ.

„Хто-сь мѣжъ нами, панове, великій грѣхъ на
собѣ мае,
Що-сь дуже злая хуртовина на насъ налягае.
Сповѣдайтесь, панове, милосердному Богу,
Чорному морю, и менѣ отаману кошовому!
Въ Чорнее море впадѣте,
Войська козацького не губѣте!“
То козаки тее зачували,
Усѣ замовчяли:
Бо въ грѣхахъ себе не знавали.
Тôльки обозвався писарь вôйськовый,
Козакъ лейстровый, [79]
Пирятинскій Поповичь Олексѣй:
„Добре вы, братця, ўчинѣте,
Мене самого возьмѣте,
Менѣ чорною китайкою очѝ завяжѣте,
До шій бѣлый камêнь причепѣте,
Да й у Чорнее море зопхнѣте!
Нехай буду одинъ погибати,
Козацького вôйська не збавляти!“
То козаки тее зачували,
До Олексѣя Поповича словами промовляли:

79. Козакъ *лейстровый* значитъ *реестровый* — (малороссійское нарѣчіе въ иноязычныхъ словахъ любило перемѣнять *р* на *л*: *лицаръ*. *лейтаръ*, *олондáръ* — вм. рыцарь, рейтаръ, арендаръ); т. е. принадлежащій къ украинскимъ козачьимъ полкамъ, постояннымъ и опредѣленнымъ въ числѣ. Кромѣ того были еще *охочекомонные* полки, составлявшіе *охотное* козацкое войско. Въ этомъ не было недостатка, по словамъ украинской лѣтописи: „речетъ старшій слово; и абіе войска числомъ, аки трава будетъ!“

„Ты-жъ святее письмо у руки берешъ, читаешъ,
Насъ простыхъ людей на все добре наставляешъ:
Якъ же найбо̂льше одъ насъ на собѣ грѣхо̂въ маешъ?“
„Хоча святее письмо я читаю,
Васъ простыхъ людей на все добре наставляю;
А я все самъ недобре починаю.
Якъ я изъ города зъ Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрощенья зъ пан-отцемъ и зъ пані̂-маткою не бравъ;
И на свого старшого брата великій гнѣвъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдо̂въ хлѣба-й-соли безневинно збавлявъ;
Дѣти малыі̂, вдовы старыі̂ стременемъ у груди штовхавъ;
Безпечно по улицямъ конемъ гулявъ;
Противъ церкви, дому Божого, проѣзжавъ —
Шапки зъ себе не зні̂мавъ.
За те, панове, великій грѣхъ маю,
Теперъ погибаю!
Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля ветавае;
А есть се—мене отцевська й ма́теринська молитва карае!
Колибъ мене сяя
Хуртовина злая
Въ морѣ не ӯтопила,
Одъ смерті̂ молитва боронила;
То знавъ бы я отця й матѣръ шановати, поважати!

То знавъ бы я старшого брата за рôдного отця почитати;
И сестру рôдненьку за неньку у себе мати!“

То якъ ставъ Поповичь Олексѣй грѣхи свои сповѣдати;
То стала злая хуртовина по Чорному морю стихати;
Судна козацькй до-горы, якъ руками, пôдыймала;
До Тендрова острова прибивала.
То всѣ тогдѣ козаки дивомъ дивовали:
Що по якому Чорному морю, по быстрôй хвилѣ потопали;
А нй одного козака зъ-межи вôйська не ўтеряли!

Отъ-же тогдѣ Олексѣй Поповичь изъ судна выхожае,
Бере святее письмо въ руки, читае,
Усѣхъ добрыхъ людей на все добре научае,
До козакôвъ промовляе:
„От-тымъ-бы-то, панове, треба людей поважати;
Пан-отця й панй-матку добре щановати!
Бо который чоловѣкъ тее уробляе,
Повѣкъ той счастя собѣ мае,
Смертельный мечъ того минае.
Отцева й матчина молитва зо-дна моря выймае;
Одъ грѣхôвъ смертельныхъ душу одкупляе;
На полѣ й на морѣ на помочъ помагае!“

12.

На побѣду Чигиринскую. [80]

Ой у нашôй у славнôй Украи̂нѣ
Бували коли-сь престрашный злыгодни̂, бездольни̂ годины;
Бували й моры,
Й вôйськовы чвары; [81]
Ни̂хто Украи̂нцêвъ не рятовавъ; [82]
Ни̂хто за и̂хъ Богови̂ молитвъ не посылавъ;
Тôльки Святый Богъ нашихъ не забувавъ:
На велики̂ зусилья, на одповѣдья [83] державъ!
Тôльки Богъ Святый знавъ,
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украи̂нську землю посылавъ!
Отъ-же й пройшли, изыйшли злыи̂ незгодины:
Немае ни̂кого, щобъ насъ подолѣли!
Тôльки Богъ Святый знавъ,
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ!

Не день, и не два Ляхи Украйну плѣндровали, [84]
Ни на часиночку одпочинья не мали,

80 Видно по всему, что эта дума, проникнутая глубокою преданностью волѣ Божіей, сложена вслѣдъ за тою побѣдою, которую козацкій гетманъ Павелъ Наливайко одержалъ надъ коронным гетманомъ Жолкевскимъ, при Чигиринѣ, 1596 года.

81. *Чвара* — свара, смута; гроза.

82. *Рятовати* — спасать, избавлять.

83. *Одповѣдье* — отвѣтъ, отпоръ.

84. *Плѣндровати* — разорять.

Коней на-взаводахъ [85] день и нôчъ держали,
До гетьмана Наливайка дорогу верстали.
А гетьманъ хоробрый Наливайко—що вôнъ думае,
гадае?
Що вôнъ за долю товаришôвъ своïхъ замышляе?
Тôльки Богъ Святый знае,
Що ёму на помôчъ помагае!....
Изъ-за горы хмара выступае—выступае, выхожае,
До Чигрина громомъ выгрêмляе,
На Украïнську землю блискавкою блискае. [86]
То Поляки черезъ три рѣки три переходы мали,
Да й бôля третёго переходу станомъ стали;
Пустили коней на попасанье,
Сами собѣ дали на три годины одпочиванье.—
А що гетьманъ Наливайко думае, гадае?
Що вôнъ на незгоду Ляхôвъ замышляе?
Тôльки Богъ тее знае, що ёму на помôчъ помагае!

То не хмары по небу громомъ святымъ выгрêм-
ляють, [86]
То не Святыхъ воны до Бога проважають;
То Ляхи у бубны ўдаряють,
У свистêлки да у трубы выгравають,
Усе вôйсько свое до-купы у громаду скликають,

85. *На-взаводы* — во всѣ повода, во весь опоръ. Этимъ очень мѣтко выражено то, какъ Жолкевскій гонялся за Наливайкомъ.

86. Это двукратное живое изображеніе непріятельскаго нашествія — грозовою тучею, напоминаетъ подобную картину въ Пѣсни о полку Игоревѣ „Чьрныя тучя съ моря идуть .. а въ нихъ трепещуть синіи мълніи.“

Щобъ ишли усѣ до громады на послуханье,
Слухати гетьмана Жовковского одповѣданье.
Отъ-то й пришли усѣ, рядомъ стали,
Усѣ рядомъ стали, да й замовчали,
Гетьманське одповѣданье слухати зачали.
А послухавши, коней сѣдлали,
Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали; [87]
Мосты мостили, греблі̂ гатили, ко̂лья забивали,
Горзину да дряницю клали,
Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали.
А перейшовши, обгороды да шанці̂ робили,
Увъ окрѣпъ гарматы становили;
А попередъ гарматами три хресты вколотили. [88]
А що первый хрестъ, то Сомино вѝсить,
Сомино вѝсить, барзо голосить.
А що другій хрестъ, то Богунъ вѝсить,
Богунъ вѝсить, шаблюкою лопотить.
А що третіи хрестъ, то порожні̂й стойть,
Усѣхъ иншихъ козако̂въ до себе по̂джидае,
Козако̂въ по̂джидае, козако̂въ оглядае.
Хто первый по̂дыйде, того гармата убье;

87. *Бѣлою-рѣчкою* названа здѣсь р. Тясминъ.

88. Извѣстно и по лѣтописямъ, что Жолкевскій передъ битвою выставилъ противъ Наливайка три креста, съ повѣшенными на нихъ козацкими старшинами, захваченными подъ Каневомъ. На одномъ повѣшенъ былъ *Богунъ*; на другомъ *Сомино* или *Сутига*; а третій крестъ — такъ живописно нарисованный въ думѣ — достался на долю *Войновича*. Въ отвѣтъ на эти три креста, Наливайко выставилъ трое знаменъ (см. примѣч. 73) съ надписью: ,,Миръ христіянству; а на зачинщика Богъ и его Крестъ!“

Хто другій добѣжить, того самопалъ цапне,
Хто третій пôдлетить, той хреститься буде,
Хреститься буде й молиться стане,
Що хрестъ зъ осоки — то ёго надбанье!.... [89]
А козаки глядѣли, у вôчи ўбачали,
Про-мѣжъ себе бурковали, раховали;
Три корогви на забаченье Ляхамъ становили,
На корогвахъ уговоръ - рядну писали:
„Вѣрному православному христіяньству миромъ миръ;
А Ляхамъ - ворогамъ пекельный пиръ!
У кого хрестъ — на того й хрестъ!“

Отъ-се-жъ и пôшли наши на чотыри поля,
Що на чотыри поля, а на пяте на подолье;
Ляхôвъ на всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ колотили;
Ляхи опрощенья просили, да не допросились:
Не таковськи козаки, щобъ опрощенья дали!
Не таковськи й Ляхи, щобъ напасть забули!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала; [90]
Що вона ковала, промѣжъ Святыхъ чувала;
Що вона ковала, тому й бути - стати.
Якъ стануть бѣсы правыхъ и неправыхъ еднати,

90. Какъ значительно здѣсь это предчувствіе бѣды, вскорѣ постигшей козаковъ, и той казни, которою пострадалъ Наливайко съ своими товарищами.

89. *Надбанье* — пріобрѣтенье, стяжанье.

Души забирати, у пекло до-купы складати.
Одъ того й сёго, одъ иншого чого,
Боже намъ поможе!
Про те вонъ и знае, що вонъ думае, гадае,
Що Павлови Наливайкови да на помочъ помагае.
Не намъ про тее, за тее раховати:
Наше дѣло Богови молиться,
Спасителю хреститься!

13.

Походъ на Поляковъ. [91]

Ой пошли козаки на чотыри поля,
Що на чотыри поля, а на пяте на подолье.

91. Эта прекрасная дума (записанная г. Срезневскимъ отъ слѣпца-бандуриста, въ Екатеринославской губерніи) представляетъ живую, вѣрную картину того безотраднаго положенія, въ какомъ находилась Украина со смерти гетмана Конашевича-Сагайдачнаго — до гетманства Богдана Хмельницкаго (1622—48). Козацкія ополченія на Поляковъ возникали одно за другимъ, и кончались почти всегда гибельно для вождей, и для всего козачества. — Въ 1637 году, послѣ казни гетмана *Павлюка* или Павла Михновича Бута, — опять идутъ три козацкіе отряда. Однимъ отрядомъ начальствуетъ *Сомко-Мушкетъ* — главное лице въ думѣ. Кто этотъ *панъ хоружій*, не названный въ лѣтописяхъ? Полагаю, что это тотъ *Самко*, котораго дочь *Анна* была первою женою Хмельницкаго, бывшаго въ это время войсковымъ писаремъ. — Сомко представленъ идущимъ черезъ поле недавней битвы, еще усѣянное козацкими трупами. Его обуреваютъ смутныя мысли, что козачество и слава козацкая погибнутъ.

Що однимъ полемъ, то пôшовъ Самко-Мушкетъ;
А за паномъ хоружимъ мало - мало не три тысячи̂,
Усе хробрый товариши̂ Запорозьци̂:
На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
у бубны ударяють,
Богови̂ молитвы посылають, хресты покладають.

А Самко Мушкетъ—то вôнъ на конѣ да й не выгравае,
Коня удержуе, до себе притягае, думае, гадае.
Да щобъ сто чортôвъ убили ту ёго думу, що гаданье! —
Самко Мушкетъ думае, гадае,
Словами промовляе.
„А що, якъ наше козачество мовъ у пеклѣ Ляхи спалять, [92]
Да зъ нашихъ козацькихъ костей пиръ собѣ на похмѣлье зварять!....

Другой вождь *Степанъ Кукуруза* — по моему предположенію, есть *Степанъ Остряница*. Имъ овладѣло грустное предчувствіе приближающейся смерти (1638 года онъ колесованъ въ Варшавѣ).

Впереди третьяго отряда *Карпъ Полтора-Кожуха*, — бывшій гетманомъ послѣ Остряницы, съ 1639 года. Этотъ щирый Запорожецъ, послѣ неудавшихся попытокъ противъ Поляковъ, ходилъ на Крымскія степи, гдѣ и кончилъ свою жизнь, похороненный, за неимѣніемъ гроба, въ горѣлочной бочкѣ. Здѣсь въ думѣ онъ гарцуетъ на конѣ, превозмогая свою печаль-тоску, которую хочетъ онъ затушить виномъ и заглушить звуками пѣсни.

92. Здѣсь воспоминаніе о казни Наливайка, сожженнаго на Варшавской площади — въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ.

А що, якъ наши головы по степу - полю поляжуть,
Да ще й рӧдною кровъю умыються,
Поперерасколотыми шаблями покрыються!....
Пропаде, мовъ порошина зъ дула, тая козацкая
слава,
Що по всёму свѣту дыбомъ стала;
Що по всёму свѣту степомъ розляглась, простяглась;
Да по всёму свѣту луговымъ гомономъ роздалась; [93]
Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ зна-
ти далась;
Да й Ляхамъ - ворогамъ на списъ оддалась!"...

Закряче воронъ, степомъ летючи;
Заплаче зозуля, лугомъ скачучи;
Закуркують кречеты сизы;
Загадаються орлики хижӣ:
Да все́, усе́ по своӣхъ братахъ,
По буйныхъ товаришахъ козакахъ! [94]
Чи то ӣхъ згарбомъ занесло?
Чи то ӣхъ у пеклѣ потонуло?
Що невидно чубатыхъ, не то по степахъ, не то й
по лугахъ,
Не то й по татарськихъ земляхъ,

93. *Луговый гомонъ*—шумъ лѣсовъ.—*Лугомъ* называется собственно лугъ, покрытый лѣсомъ; оттого и названье — *темный лугъ*, и частыя слова пѣсни: *не шуми, луже!* Запорожцы любили свои приднѣпровскіе луга, и говорили: „Сѣчъ мати; а великій лугъ батько!"

94. Здѣсь вполнѣ видна народно-поэтическая вѣра въ сочувствіе природы къ человѣку, отзывное на его къ ней сочувствіе.

Не то й по турецькихъ горахъ,
Не то й по чорныхъ моряхъ,
Не то й по ляцькихъ поляхъ?...
Закряче воронъ, загрує, зашумує,
Да й полетить у чужую землю.....
Анъ-ба! кôстки лежять, шаблюки сторчять;
Кôстки хрустять, шаблюки поперерасколоты бряжчять!....
А чорна, сива сорока оскалилась да й басуе!
А що головы козацькî — то мовъ Швець Семенъ шкуру загубивъ! [95]
А що чубы — то мовъ чортяка джгуты поробивъ;
У кровî усѣ да й позасыхали:
От - то й славы набрали! [96]

---

95. *Семенъ - Швецъ* на Украинѣ издавна вошелъ въ пословицу; на прим. онъ смялъ его — мовъ *Швецъ - Семенъ шкуру!* Не есть ли это передѣланное имя *Усмо - швецъ* — имя древняго Переяславскаго богатыря - кожевника, который такъ потѣшилъ в. кн. Владимира единоборствомъ съ Печенѣжиномъ?.... Впрочемъ есть повѣсть (позднѣйшаго изобрѣтенія) о нѣкоемъ *Семенѣ*, какъ основателѣ Запорожскаго козачества, будто бы ходившаго тогда въ *козьихъ* шкурахъ, и отъ того - де названнаго *козарами* или *козаками*! (См. въ Ист. Госуд. Рос. T V прим. 416.)

96. Извѣстно, что Запорожцы, на своихъ подбритыхъ головахъ, холили длинные *оселедцы* или *чубы* (такъ было и на головѣ в. кн. Святослава Игоревича).

Козацкій вождь видитъ эти чубы, на полѣ битвы, засохшіе въ крови и говоритъ: *словно чортъ жгуты повилъ: то-то и славы набрались!*.... Только отчаяніе могло высказываться такою горькою ироніей!

Ой пôшли козаки на чотырй шляхи,
Що на чотырй шляхи, а на пяте на подолье.
Що однимъ полемъ, то пôшовъ Самко-Мушкетъ;
А другимъ полемъ — Стецько Кукуруза:
Сизою голубкою голову свою буйную до-долу закинувъ.
А за нимъ идуть мало-мало не три тысячй,
Усе хоробрый товаришй Запорозьцй:
На коникахъ выгравають, шабельками блискають, у бубны ўдаряють,
Боговй молитвы посылають, хресты покладають;
До Стецька Кукурузы ось-такъ промовляють.
„Чи ты живъ, чи здоровъ, пане Степане?
Чи ты ўмеръ, що твою головоньку дубомъ додолу прибило?
Рахованье — не въ поминанье!
Коли-жъ-небудь треба да по насъ поминки робити!
Що по насъ, пане, старй бабы стануть у полѣ свистѣти;
А по тобѣ, пане, молодый дѣвчата зачнуть голосити!“
— Да те все однако,
Що Якимъ, що Яковъ! [97]
Ось, якъ пристанемо до пятого яра,
То хочъ и середъ лѣтечка зашумить, загуде не-дай-свѣта чвара!

97. Эта пословица понятна, и ведется понынѣ; но нижеслѣдующая пословица (що жидъ, а що дѣдъ) не совсѣмъ ясна.

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала, [98]
Степомъ летючи, лугомъ скачучи.
Що вона ковала, то правду казала:
Налетять орды хижй, стануть жалковати;
А вороны налетять, да й стануть здобычй ждати й поджидати.
То якъ налетять от-тѣ зозулй, [99]
Що насъ не забули.....
Що жидъ, а що дѣдъ, а що й запорозській козакъ!

---

98. Здѣсь очень кстати повторился стихъ изъ предыдущей думы (что бываетъ нерѣдко въ поэзіи народной). Это дало поводъ г. Грабовскому утверждать, будто обѣ думы принадлежатъ одному *перу*, и т. д. Но эти думы не письменнаго, а изустнаго сложенія, какъ и всѣ прочія. Онѣ не могли принадлежать одному и тому же пѣвцу. Въ думѣ о Наливайкѣ слышенъ внятно спокойный, важный тонъ пѣвца-старика; а въ этой думѣ, сложенной черезъ тридцать лѣтъ, вы видите порывы еще молодой пѣснотворческой силы. Избытокъ лиризма отличаетъ ее отъ большей части думъ. Этому причина, кромѣ личности пѣвца, и самое время. На мой взглядъ, можно бы скорѣе сказать, что пѣвецъ этой думы, спустя 11 лѣтъ, сложилъ думу на побѣду Корсунскую.

99. „Запевне Полякп" — замѣчаетъ Грабовскій, при этомъ стихѣ. Напротивъ: это родныя Украинки; къ Полякамъ относится предыдущій стихъ; а *орды хижи*—то козаки, какъ и выше сего, гдѣ и воронъ, и сорока представлены въ томъ же непріязненномъ значеніи, въ какомъ принимается въ Пѣсни о полку Игоревѣ весь родъ вороній. Изъ него, только черная *галка* — въ козацко-украинской поэзіи получила значеніе доброй птицы, хотя является всегда въ *печали* и *разлукѣ*.

Ой пошли козаки на чотырй шляхи,
Що на чотырй шляхи, а на пяте на подолье.
Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко Мушкетъ;
А другимъ полемъ, то пошовъ Стецько Кукуруза;
А третимъ полемъ, то пошовъ Карпо Повтора-
Кожуха,
На конику выгравае, пѣсню спѣвае.
А за нимъ идуть мало-мало не три тысячй,
Усе хоробрый товаришй Запорозьцй:
На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
у бубны ударяють,
Богові молитвы посылають, хресты покладають.
А Карпо панъ гетьманъ на конику выгравае, пѣ-
сню спѣвае. [100]

„Пресучая та журба мене изсушила,
Вона мене молодого изъ ногъ извалила.

А я той журбѣ да й не подаюся.
Ой пойду я до шинкарки, горѣлки напьюся!...

Ой хто хоче меду пити, ходѣмъ до жидовки;
А у жидовки чорны бровки, высоки подковки.

100. Такъ нарисовалъ украинскій пѣвецъ картину трехъ вождей козацкихъ. „Два образа мрачные, третій ясный“ — говоритъ объ нихъ Грабовскій. Но и въ третьемъ вождѣ нѣтъ *ясности*. Запорожецъ, котораго тоска-печаль съ ногъ валитъ, къ которому не голубятся жена его и дѣти.... ему въ пѣсни и винѣ — только *забытье*, а не свѣтлое веселье!

Й юпочка рябе́нька, й сама молоденька;
Да якая-жъ хорошая, яка чепурненька!

Шинкарочко моя, насыпъ меду й вина,
Да щобъ моя головонька веселенька була!"

—Коли ты жонатый, то иди до-дому;
А якъ не жонатый, то ночуй зо мною!—

„Ой е ў мене жо̂нка и дѣточокъ двое,
Да не пригортаються, серденько мое!"

14.

О Хмельницкомъ и Барабашѣ [101]

Изъ день-годины,
Якъ стала тревога на Украйнѣ;
То нíхто не може обо̂брати
За вѣру христіянську одностайне стати;
То̂льки обобрались Барабашъ да Хмельницькій,
Да Климъ Бѣлоцерковській; [102]

101. Вотъ первое народное пѣснопѣніе, въ которомъ появляется Хмельницкій. Чигиринскій полковникъ Иванъ Барабашъ, преданный Полякамъ, скрывалъ у себя грамоту, данную козакамъ отъ короля Владислава IV. Что бы получить эту грамоту, Хмельницкій долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ пригласилъ Барабаша къ себѣ кумомъ, на 6 Декабря 1647 года; а на разсвѣтѣ 11-го Декабря скакалъ уже съ грамотою на Запорозье,—и вскорѣ явился побѣдоноснымъ гетманомъ.

102. Здѣсь дума называетъ, вѣроятно, Бѣлоцерковскаго полковника *Гирю*.

До короля выступали,
Листôвъ, наверсалôвъ прохали.
То король наверсалы [103] писавъ,
Самому Барабашу до рукъ подававъ;
А Барабашъ листы якъ узявъ,
Три годы козакамъ знати не дававъ.
То Хмельницькій тее догадавъ,
Кумомъ ёго до себе прохавъ, добре угощавъ.
А якъ ставъ Барабашъ на пôдпитку гуляти,
Ставъ ёму Хмельницькій казати:
„Годѣ тобѣ, пане куме, листы королевськіи держати,
Дай менѣ хоть прочитати!"
„На що тобѣ, пане куме, ихъ знати?
Мы дачи не даемъ,
У войсько польске не йдемъ;
Не лучче бъ намъ зъ Ляхами,
Мосцивыми панами,
Мирно пробувати;
А нежъ пôйти лугôвъ потирати,
Своимъ тѣломъ комарôвъ годовати?" [104]
То Хмельницькій тее зачувавъ,
Ще луччихъ напиткôвъ подававъ.

103. *Наверсалъ*, т. е. универсалъ (такъ назывались грамоты, преимущественно гетманскія).

104. *Годовати* — кормитъ. *Запанѣвшій* Барабашъ не хотѣлъ уже пускаться на суровую жизнь козака, въ темныхъ лугахъ днѣпровскихъ. Но ему черезъ 5 мѣсяцовъ довелось тамъ принять смерть свою.

То Барабашъ якъ упився,
На лôжку спати звалився.
Тогдѣ Хмельницькій ключѝ одбѝравъ,
Чуру свого до города Черкаса посылавъ;
Велѣвъ ключѝ панѣ Барабашовôй подати,
Листôвъ королевськихъ пытати.
То чура до ней прибувае,
Словами промовляе:
„Панѝ Барабашова! твôй панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы королевськѝ подати!“
„Де-сь моему пановѝ лихомъ занудилось,
Що съ Хмельницькимъ гуляти схотѣлось!
Пôйди, въ глухôмъ концѣ пôдъ ворôтьми
Листы королевськѝ въ шкатулѣ вôзьми.“
То чура скоро листы доставъ,
День и нôчъ до Чигрина поспѣшавъ;
Тогдѣ Барабашъ рано прочинае,
У карманы поглядае, ажъ ключêвъ немае.
Вôнъ старосту Кричевського пробужае, [105]
Двома кôньми тихо зъ двора выѣзжае;
Думае, гадае,
Якъ пана Хмельницького до рукъ прибрати,
Ляхамъ отдати.

---

105. Вѣроятно, это былъ Переяславскій полковникъ *Кричевскій*, преданный Хмельницкому.

15.

На побѣду Курсунскую. [106]

Ой обозветься панъ Хмельницькій
Отаманъ батько Чигиринській:
„Гей друзѣ - молодцѣ,
Братья козаки Запорозцѣ!
Добре знайте, барзо гадайте,
Изъ Ляхами пиво варити затирайте! [107]
Лядьскій солодъ, козацька вода;
Лядьскѣ дрова, козацькѣ труда.“
Ой за тее пиво
Зробили козаки зъ Ляхами превеликее диво;
Ой за той пивный молотъ
Зробили козаки зъ Ляхами превеликій колотъ;

106. Эта дума относится къ двумъ первымъ побѣдамъ Хмельницкаго надъ Поляками — къ *Желтоводской*, одержанной 7 Мая, и знаменитой *Корсунской*, одержанной 16 Мая, тогоже 1648 года. Дума эта списана для меня г. Копытькомъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Вмѣсто ея собственнаго начала, позднѣйшіе бандуристы придали ей свою любимую *Черноморскую бурю* въ сокращенномъ видѣ (см. думу 11). Отъ того имя *Грицька Зборовскаго* перешло и въ эту думу. Отбросивъ это непринадлежащее къ ней начало, я поставилъ въ ней, вмѣсто Зборовскаго, имя *Хмельницкаго*.— Понятно, почему всѣ народныя пѣснопѣнія на первыя побѣды Хмельницкаго надъ Поляками, дышутъ такою неистовою, насмѣшливою радостью!

107. *Варить пиво*—выраженіе весьма употребительное въ то время (см. въ *Памят. изд. Врем. Комис.* Т. 1. отд. III. стат. 3).

Ой за той пивный квасъ
Не одного Ляха козакъ, якъ бы скурвого сына, за чуба потрясъ.

Ой не вербы-жъ то шумѣли, и ни галки закричяли,
Тожъ-то козаки изъ Ляхами пиво варить зачинали.

Ой обозветься перва панй Ляшка: „нема мого пана Гриця!
Де-сь поѣхавъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться!“

Ой обозветься друга панй Ляшка: „нема мого пана Яна!
Де-сь извязали козаки якъ-бы барана!“

Ой обозветься третя панй Ляшка: „нема мого пана Якуба!
Ой Якубе, Якубе!
Де-сь тебе зъ Жовтой воды, зъ быстрой рѣчки Прута, и до вѣку не буде!“

Въ этой думѣ видимъ большое распространеніе о кровавомъ *пивѣ*. Но при этомъ надо имѣть въ виду имя вождя, котораго величали тогда *Старымъ Хмелемъ*. Это имя внушило народный запѣвъ:

„Чи не той-то хмѣль, що коло тычинъ вьеться?
Гей, то-жъ той Хмельницькій, що зъ Ляхами бьеться!“

И другая современная пѣсня (сложенія грамотнаго) на ту-же Желтоводскую побѣду, начинается такъ:

„Ой высыпавъ хмѣль изъ мѣха,
Да наробивъ Ляхамъ лиха!“

Ой не чорна хмара надъ Польщою встала:
Тожъ-то не одна Ляшка удовою стала!
Бо на праву середу
Заняли козаки Ляхôвъ такъ якъ-бы череду.
Ой, которыхъ гнали до Прута,
Була дороженька барзо крута;
Которыхъ до Бузька,
Була дороженька барзо грузька;
А которыхъ до Хотины,
То бѣжучи попотѣли;
То кидали козаки Ляхôвъ у воду
Къ чортовôй матерй на прохолоду....

„Ой вей-миръ! обозветься первый жидъ Ѣдько.[108]
Уже-жъ-пакъ изъ-за горы козацькй корогвы видко!"
Побѣгъ до школы швыдко:
„Ой школо-жъ моя, школо!
Чи тебе продати,
Чи въ карманъ забрати,
А чи тому пану Хмельницькому
Отаману батьку Чигиринському,
На срачъ подаровати?"

108. Извѣстно, какими оскорбительными и разорительными для Южной Руси правами пользовались жиды въ прежнія времена. Украинцы за это враждовали на польскихъ пановъ; а жидовъ презирали, потѣшаясь ихъ трусостью. Вотъ, и въ этой думѣ — каррикатурное изображеніе Евреевъ, въ часъ наступившей опасно-сности.

Ой обозветься другій жидъ Абрамъ.
„Ой я маю вельми дорогій крамъ:
Шпильки и голки,
Кремêнья и люльки.
Ой я свôй крамъ у коробочку склавъ,
Съ козаками пятами накивавъ!“

Ой обозветься третій жидъ Шлëма.
„Ой я-жъ-пакъ не буду на шабасъ дома!“

Гей, обозветься панъ Хмельницькій
Отаманъ батько Чигиринській:
„Гей друзî-молодцî,
Братья козаки Запорозцî!
Добре знайте, барзо гадайте,
Одъ села Ситниковъ до города Корсуня шляхъ
канавою перекопайте, [109]

109. Здѣсь указано именно на то, что всего больше послужило къ успѣху Корсунскаго дѣла. Польскій обозъ съ двумя гетманами, стоявшій въ окопѣ между Корсунемъ и Стеблëвымъ, собирался двинуться къ Богуславлю. Дорога туда шла на село Ситники, а потомъ на глубокую лѣсистую долину, называвшуюся *Крутою балкою.* Сюда Хмельницкій подоспѣлъ къ ночи, съ многочисленнымъ войскомъ, приказалъ выкопать длинный и глубокій ровъ, а къ утру скрыться въ ближнихъ заросляхъ. Нежданная западня привела въ разстройство польскій обозъ, беспечно спускавшійся въ балку; и онъ весь достался въ руки Хмельницкаго. Роковая долина названа впослѣдствіи *рѣзанымъ яромъ.*

Потоцького поймайте,
Менѣ въ руки подайте!“ [110]
Гей Потоцькій, Потоцькій,
Маешъ собѣ розумъ жôноцькій!
Не годишся-жъ ты воёвати!
Лучче-жъ тебе до пана Хмельницького оддати
Сырой кобылины жовати,
Або житнѣй соломахи бузиновымъ молокомъ запивати!

16.

О походѣ Хмельницкаго въ Молдавію. [111]

Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣвае:
Вôйсько козацьке у походъ выступае.

110. Коронный гетманъ Николай Потоцкій и напольный гетманъ Калиновскій, взятые въ плѣнъ, достались на долю крымскаго хана, бывшаго союзникомъ Хмельницкому. — Современную эпиграмму на этотъ плѣнъ см. въ Исторіи Малороссіи Маркевича. Т. V. стр. 38.

111. Объ этомъ походѣ, бывшемъ 1650 года, см. въ такъ-называемой *Лѣтописи Самовидца.* Тогда побѣдоносный Хмельницкій былъ на верху своей козацкой славы: и это отозвалось какъ въ торжественномъ запѣвѣ думы, такъ и въ ея заключительныхъ стихахъ.—(Въ этотъ походъ молдавскій господарь Василій Лупула согласился выдать свою дочь Ирину за сына Хмельницкаго Тимофѣя.)

Тôльки Богъ святый знае,
Що Хмельницькій думае, гадае!
Объ томъ не знали нй сотники,
Ни отаманы курêнный, нй полковники:
Тôльки Богъ святый знае,
Що Хмельницькій думае, гадае!...
Якъ до Днѣстра прибували,
Черезъ три перевозы переправу мали;
Самъ Хмельницькій напередъ всѣхъ рушавъ,
До Хотій прибувавъ, у старшого копитана на ква-
тирѣ ставъ;
До Василя Молдавського листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
„Що ты за мною будешъ гадати?
Чи будешъ биться,
Чи будешъ мириться,
Чи на примирье будешъ пріймати,
Чи славной Волощины половину оддавати?"
То Василій Молдавській тее зачувавъ,
До Потоцького листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
„Гетьмане Потоцькій,
Що ў тебе розумъ жôноцькій!
Ты за дорогими напитками, банкетами уганя-
ешъ: [112]

112. Престарѣлый гетманъ Потоцкій преданъ былъ пирамъ. Машковичь въ своемъ Дневникѣ пишетъ, что Потоцкій и въ день Корсунскаго пораженія ѣхалъ въ каретѣ пьяный.

Чомъ ты Хмельницького не еднаешъ?
Уже почавъ вôнъ землю конськими копытами орати;
Кровъю молдавською поливати!—[113]
Тогдѣ Ляхи изъ города изъ Сочавы утѣкали,
Василю Молдавському знати давали.
То Василій Молдавській до Яссъ прибувае,
Словами промовляе:
„Ой вы, Яссы моѝ, Яссы,
Були есте барзо красны!
Да ўже не будете такѝ,
Якъ прійдуть козаки!“

То панъ Хмельницькій добре учинивъ:
Польщу засмутивъ;
Волощину побѣдивъ;
Гетьманщину звеселивъ!

Въ той часъ була честь, слава,
Вôйськовая справа!
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пôдъ ноги топтала!

---

113. Уподобленіе битвы различнымъ работамъ земледѣльческимъ принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ народной Южноруской поэзіи. Въ Пѣсни о полку Игоревѣ встрѣчаемъ нѣсколько картинъ, основанныхъ на этомъ уподобленіи, которое находится въ тѣсной связи съ давнею любовью Южной Руси къ *земледѣлію.*

17.

Объ Украинцахъ послѣ Бѣлоцерковскаго мира. [114]

Ой чи добре панъ Хмельницькій починавъ,
Якъ изъ Берестецького року
Всѣхъ Ляхо̂въ-пано̂въ на Украйну на чотыри̂ мѣсяцѝ высылавъ,
И велѣвъ панамъ-Ляхамъ на Украйнѣ чотыри̂ мѣсяцѝ стояти,
А нѝ козаку, нѝ мужику жадноѝ кривды починати.
Да у̂же-жъ паны-Ляхи на Украйнѣ три мѣсяцѝ стояли;

114. Въ 1651 году торжество Хмельницкаго и всей Украины затмилось на время. Проигравъ Берестецкое дѣло, гетманъ принужденъ былъ согласится на Бѣлоцерковскій миръ 16 Сентября, крайне невыгодный. Для козаковъ и всего украинскаго народа невыносимо было возвращеніе къ нимъ прежнихъ владѣльцовъ и безчинство польскихъ жолнѣровъ, зазимовавшихъ на Украинѣ. Украинцы приносили жалобы къ Хмельницкому, роптали на него, уходили отъ него въ Валахію, Венгрію, а еще больше въ подданство Царя Московскаго. (Тогда основались слободско-украинскія полковыя поселенія; а волынскіе выходцы въ 1652 г. основали Острогожекъ.)

Впрочемъ въ этомъ положеніи Украина оставалась не долго. Въ 1652 году Хмельницкій самъ воздвигся опять на Поляковъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ начались его сношенія съ Москвою о принятіи цѣлой Малороссіи подъ Державу Рускую.

Эта дума, списанная для меня г. Мурзакевичемъ въ Херсонской губерніи представляетъ нѣсколько яркихъ очерковъ украинскаго народнаго быта въ означенное время.

Стало на четвертый мѣсяць повертати,
Стали паны-Ляхи способъ прибирати;
Одъ козацькихъ, одъ мужицькихъ коморъ ключи одбирати,
Надъ козацькимъ, надъ мужицькимъ добромъ господарами знахожатись.
То ўже де бѣдный козакъ розгадае пятакъ,
То нельзя по улицѣ пойти, побуяти,
Що-бъ у корчмѣ пятакъ прогуляти.
То ўже-жъ одинъ козакъ, доброго клича и луччой руки, одинъ шостакъ розгадавъ,
Да й той къ катовой матери у корчмѣ прогулявъ.
То ўже-жъ, Ляхъ мѣстомъ иде,
Якъ свиня ухомъ веде;
То Ляхъ до корчмы прихожае,
Якъ свиня ухо до корчмы прикладае;
А слухае Ляхъ, що козакъ про Ляховъ розмовляе.
То Ляхъ у корчму убѣгае, и козака за чубъ хватае.
То козакъ козацькій звычай знае:
То будто до Ляха медомъ и оковитою горѣлкою припивае,
А тутъ Ляха за чубъ хватае,
И скляницею межи очи морскае,
И келепомъ по ребрамъ торкае.[115]

115. *Келепъ* — толстая палка, съ металлическою рукоятью въ видѣ молотка. До конца прошлаго столѣтія эти келепы были въ употребленіи, особливо у людей *подорожнихъ*.

Не луччебъ тобѣ Ляше, превражій сыну,
На Украйнѣ съ козацькою жôнкою спати,
А нêжъ въ корчму вхождати?
Да ўже-жъ на Украйнѣ не одна жôнка курку зго-
товала;
Тебе Ляха, кручого сына, на нôчъ чекала!—
То уже-жъ козаки и мужики
У недѣлю рано Богу помолившись, листы писали,
И въ листахъ добре докладали,
И до пана Хмельницького у Полонне посылали:
— Гей, пане Хмельницькій,
Отамане Чигиринскій,
Батьку козацькій!
Звели намъ пôдъ Москалей тêкати,
Або звели намъ зъ Ляхами великій бунтъ зры-
вати! —
То Хмельницькій листы читае,
До козакôвъ словами промовляе:
„Гей, стойте, дѣти,
Ладу ждѣте!
Не благословляю вамъ ни пôдъ Москаля тêкати,
Ни зъ Ляхами великого бунту зрывати.“
То ўже-жъ, Хмельницькій до козакôвъ пріѣзжае,
Словами промовляе:
„Гей, нуте, дѣти, по-три, по-чотыри зъ куренêвъ
вставайте!
И до дрючкôвъ и до оглобель хватайте,
И Ляхôвъ-панôвъ, у нôчку у четвертеньку, такъ
якъ кабанôвъ заганяйте!“

То ўже-жъ, изъ куренêвъ по-три, по-чотырй вставалй,
До дрючкôвъ и до оглобель хватали;
И Ляхôвъ-панôвъ, такъ якъ кабанôвъ, у нôчку у четвертеньку заганяли.
То ўже-жъ одинъ козакъ лугомъ бѣжить;
Коли дивиться на кущъ, ажъ кущъ дрôжить;
Коли дивиться у кущъ, ажъ у кущѣ Ляхъ якъ жлукто лежить.
То козакъ козацькій звычай знае, изъ коня вставае,
И Ляха за чубъ хватае, и келепомъ по ребрахъ торкае.
То Ляхъ до козака словами промовляе:
— Луччебъ, козурю, могли мой очй на потилицѣ стати,
Такъ-бы я могъ изъ-за рѣчки Вислы на Украйну поглядати!

18.

На смерть Хмельницкаго. [116]

Зажурилася Хмельницького сѣдая голова:
Що при ёму ни сотникôвъ, ни полковникôвъ нема;

116. Извѣстно изъ исторіи, что Хмельницкій въ 1657 году, чувствуя приближеніе смерти своей, собралъ въ Чигиринѣ *раду* (совѣтъ) на 6 Августа, и предлагалъ для выбора въ гетманы нѣсколькихъ полковниковъ; но признательные козаки захотѣли, что бы преемникомъ Богдана былъ сынъ его, 16-лѣтній Юрій.

Часъ приходить умѝрати,
Нѣкому порады дати!
Покликне вôнъ на Ивана Луговського, [117]
Писаря вôйськового:
„Иванъ Луговській,
Писарь вôйськовый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы пиши,
Що-бъ сотники, полковники до мене прибували,
Хоть мало пораду давали!“
То Иванъ Луговській,
Писарь вôйськовый,
Листы писавъ,
До всѣхъ розсылавъ.
То сотники, полковники, якъ ѝхъ прочитали,
Усé покидали;
До гетьмана Хмельницького скорѣйшъ прибували.
То гетьманъ добре ѝхъ прíймае,
Словами промовляе:
„Панове-молодцѝ! добре вы дбайте,
Собѣ гетьмана наставляйте;

Послѣ того Хмельницкій скончался въ день Успенія (15 Авг.), и погребенъ былъ въ Суботовѣ. Бандурнéтъ, передавая вѣрно это событіе, изобразилъ его съ художественною простотою, вполнѣ соотвѣтственною предмету думы.

117. *Луговскій*, т. е. *Выговскій*, лице извѣстное въ исторіи. Новымъ писателямъ нѣтъ надобности называть его Полякомъ. Православно-руская дворянская фамилія Выговскихъ, на Волыни, была оченъ извѣстна въ 17 вѣкѣ (см. въ *Памятникахъ Луцкаго братства*).

Бо я старъ, болѣю,
Бôльше гетьманомъ не здолѣю!...
Коли хочете, панове, Антона Волочая Кіевського,
Або Грицька Костыря Миргородського,
Або Хвилона Чичая Кропивянського,
Або Мартына Пушкаря Полтавського.“ [118]
То козаки тее зачували,
Смутно себе мали,
Тяжко вздыхали,
Словами промовляли:
—Не треба намъ Антона Волочая Кіевського,
Нû Грицька Костыря Миргородського,
Нû Хвилона Чичая Кропивянського,
Нû Мартына Пушкаря Полтавського;
А хочемъ мы сына твого Юруся молодого,
Козака лейстрового! —
„Вôнъ, панове-молодцû, молодый розумъ мае,
Звычаêвъ козацькихъ не знае!“
—Будемь мы старыхъ людей бûля ёго держати,
Будуть воны ёго научати:
Будемъ ёго добре поважати,
Тебе батька нашого гетьмана споминати!

118. Изъ этой думы видно, что нѣкоторые полковники того времени имѣли, кромѣ фамиліи оффиціальной, еще народную: таковы *Волочай* - Адамовичь, *Костырь* - Лѣсницкій; а Филонъ *Чичай* вм. *Джеджелѣй*. Преемникъ Сагайдачнаго гетманъ *Олиферъ Стеблевецъ* и *Голубъ*—одно лице. Полковникъ *Ганжа* воспѣвается подъ именемъ Ивана *Бѣды*. Другіе примѣры мы видѣли въ предыдущûхъ думахъ.

То Хмельницькій тее зачувавъ, великую радость мавъ,
Сѣдою головою поклонъ оддававъ,
Слёзы проливавъ.

Скоро пôсля того ще й гôрше Хмельницькій знемогавъ;
Опрощенье зо всѣми пріймавъ,
Милосердному Богу душу оддавъ. —

Те не чорныи̂ хмары ясне сонце заступали,
Не буйныи̂ вѣтры въ темнôмъ лузѣ бушовали:
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.

(Объ гетманствѣ Юрія Хмельницкаго и Ивана Выговскаго.) [119]

А молодый Юрусь пôдъ Бѣлою-Церквою гуляе,
Объ смертѝ отцевськôй не знае.
Скоро лейтары до ёго прибували,
Листы подавали.
То Хмельниченко [120] якъ прочитавъ,
Свѣта Божого не взвидавъ.

119. Это, безъ сомнѣнія, отрывки изъ особой, позабытой думы, слѣдовавшей непосредственно за думою на смерть Богдана.

120. *Хмельниченко*—сынъ Хмельницкаго (Тимофѣй, Юрій); а *Хмельниченько*—самъ Богданъ, называемый иногда уменьшительно въ знакъ любви отъ народа. Окончанія *енко* и *енько*—не одно и то-

То не багато Луговській гетьмановавъ:
Пôвтора года булаву державъ.
Скоро сотники, полковники прибували,
Юруся Хмельниченка гетьманомъ поставляли.
„*Дай же, Боже!*—козаки промовляли—
За гетьмана молодого,
Жити якъ за старого:
Хлѣба, соли его уживати,
Города турецькі плѣндровати,
Славы лицарсьтва козацькому вôйську доставати!“

19.

Объ Иванѣ Коновченкѣ. [121]

На славнôй Украйнѣ,
У славнôмъ городѣ у Корсунѣ,

же.—Иные неправильно склоняютъ эти и всѣ имена кончащіяся на *ко*, по склоненію женскихъ именъ. Еще несвойственнѣе стали иные причислять ихъ къ именамъ несклоняемымъ, наравнѣ съ *рококо*, *клико*. Должно склонять ихъ по-прежнему, по-руски: *Сомко*, *Сомка*, *Сомку* и т. д.

121. Эту прекрасную думу объ Черкаскомъ витязѣ *Коновченкѣ* я отношу къ 1684 году, когда въ западной или заднѣпровской Украинѣ, находившейся тогда опять подъ властью польскою, возобновилось козачество, и ходило своимъ ополченіемъ на Бѣлогородскихъ Татаръ, къ городу *Тягину* (нынѣ село Тягинка въ Херсон. губ.). Объ этомъ см. въ Лѣтоп. Самовидца и въ Лѣтоп. Рубана.—

Кликне, покликне Хвилоненко, Корсунській полковникъ:
„Годѣ вамъ, панове-молодцû, домовати!
Идѣте зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарсьтва козацькому вôйську доставати!“ [122]

От-тогдѣ по городахъ не музыки выгравали,
Осаулы вôйськовый похожали,
Листы читали, козакôвъ у походъ выкликали.
А хто буде панотцевого — промовляли —
Недѣлешнёго обѣда дожидати:
Той буде Хвилоненка,
Корсунського полковника,
Въ шести миляхъ доганяти! —

У городѣ у Черкасѣ жила вдова старенька,
Мала собѣ сына Ивана вдовиченка Коновченка.
Вона тее перше ёго зачувала,
До-господы найскорѣйше прибувала, [123]
Усѣ конû изъ господы позсылала,
Все оружье у кôмнату замыкала,
Къ дому Божому до церкви поспѣшала.
То Ивась одъ сна прочинае,
По хатѣ поглядае:

Въ собраніи г. Лукашевича есть другой, пространнѣйшій варіантъ этой думы, изъ котораго она можетъ пополниться нѣсколькими стихами.

123. *Господа*—домъ; *до-господы*—домой.

Ажъ нѝ одной шаблѝ булатной,
Пищалѝ семипядной,
На стѣнѣ не мае!
У станю ухожае:
А на станѣ нѝ одного
Коня вороного!
Вôнъ неньку стареньку бѝля церкви доганяе,
Словами промовляе:
„Не добре ты, мати, згадала,
Що всѣ конѝ изъ господы позсылала,
Все оружье у кôмнату замыкала!
А луччебъ ты, мати, зробила,
До города Крылова одъѣздила,
Сто злотыхъ жиду-олондарю давала,
У нарядѣ добраго коня куповала,
Мене молодого въ походъ знаряжала!“
— Маешъ ты чотырѝ волы чабаный,
Два конѝ отцевськѝ вороный:
Можешъ добре у Черкасѣ поживати,
Козакôвъ на хлѣбъ на сôль закликати!—
„Що менѣ съ того, що буду я добре поживати,
Будуть мене козаки за хлѣбъ за сôль поважати!
Тôльки будуть мене, мати,
На пôдпитку гречкосѣемъ, домонтаремъ величати,
Коня мого приблудою называти!
И ўже менѣ не подоба по рôльямъ спотыкати,[124]
Жовтыхъ чобôтъ каляти,

124. *Рôлья* — пашня.

Дорогій сукнѝ пыломъ набивати!
А хочеться менѣ, мати,
Пôйти пôдъ городъ Тягиню гуляти,
Славы лицарсьтва доставати!"
То тее промовлявъ,
У неньки старенькоѝ благословенья бравъ,
Изъ дому отцевського поспѣшавъ,
На Черкеню-долину съ козаками прибувавъ.—

Не ясенъ соколъ на долинѣ по табуру гуляе,
Не бѣлая лебедь спѣвае;
Полковникъ Хвилоненко похожае,
Словами промовляе:
„Который-то, панове-молодцѝ, козакъ дородный,
Ще й кôнь пôдъ нимъ воздобный,
Пôйде зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарсьтва козацькому вôйську доставати?"
То Ивась Коновченко тее зачувавъ,
Напередъ всѣхъ благословенья прохавъ.
„Ты дитина, Ивасю, молода! полковникъ промовлявъ —
Нѝ на полѣ, нѝ на морѣ не бувало,
Смертѝ бѝля себе не видало!
Якъ звычаѝ козацькѝ познаешъ,
Лучче тогдѣ погуляешъ!"
„Не всѣ старѝ птицѝ высоко лѣтають,
Не всѣ старѝ щуки карасѣвъ хапають!
Трапляеться, батьку, що крячя малее
Ловить рыбку краще нѣжъ старее!"

То Ивась промовлявъ,
Съ полковникомъ на долину выѣзжавъ,
Дванадцять Татаръ передъ мечъ принявъ,
Шêсть на арканъ звязавъ.
То полковникъ бусурманôвъ принимае,
Ивася Коновченка биля себе сажае,
Славу ёго выхваляе.
То Ивась великую радость мае,
Словами промовляе:
„Благослови менѣ, батьку, оковитой [125] напиться!
Я не зарѣкаюсь зъ бусурманами ще лучче побиться!“
—Не велю я тобѣ, сыну, оковитой напивати,
Да итти зъ бусурманами на долину гуляти!
Коли-жъ уже ты хочешъ ей напивати,
То велю въ моêмъ наметѣ лягти спочивати! —
„Сей менѣ хмêль не буде заважати,
А буде моему сердцю смѣлости додавати!“

То не вихоръ по Черкенѣ - долинѣ гуляе,
Не сизый орелъ яструбôвъ ганяе:
Вдовиченко Коновченко на воронôмъ конѣ розъѣзжае;
Мечемъ своимъ якъ блискавка сяе;
Трёхъ Татаръ-яныча ръ съ коней збивае.
Тогдѣ шаблю булатну опускае,

125. *Оковитая* — aqua vitae! — добрая водка.

Козакамъ лицарсьтво свое выхваляе,
Беспечно по долинѣ розъѣзжае,
Бусурманôвъ на смѣхъ пôдыймае. —
То безбожнî бусурманы тее зачували,
Напилого козака заразъ познавали,
Бôльше ёму поля гуляти попускали;
Одъ табура козацького заразъ одбивали,
Гнѣвомъ-Божимъ — саранчою на козака налê-
тали, [126]
Шаблями, пистолями смертный раны даровали;
Тôльки коня козацького не пôймали.

То добрый кôнь до табура прибѣгае,
По куренямъ гуляе,
Гострыми копытами землю копае;
Смутно ржучи, козака свого выкликае.
То Хвилоненко тее зачувавъ,
Изъ намета свого выступавъ,
Словами промовлявъ:
„От-се вы, братця, не добре зробили,
Що напилого козака гуляти пустили,
Мовъ вы сами ёго зъ свѣта згубили!
Добре вы дбайте, оружье направляйте,
Бусурманôвъ одъ тѣла козацького одбивайте!
Бо ўже не даромъ козацькій кôнь по табуру гуляе;
Мабуть Ивася Коновченка на свѣтѣ немае!“

126. *Гнѣвомъ Божимъ* названа саранча по тому повѣрью, будто эти слова на ея крыльяхъ написаны еврейскими буквами.

То козаки тее зачували,
На долину найскорѣйше поспѣшали,
Бусурманôвъ одъ тѣла козацького одбивали;
Шаблями, надôлками суходôлъ копали,
Шапками, приполами персть выбûрали,
Ивасю Коновченку могилу насыпали,
У семипяднû пищалû гремали,
У суремки жалôбно выгравали,
Славу козацьку выхваляли.

Скоро пôсля того стали козаки табуръ изнûмати,
У городы христіянськû уступати.
То вдова старенька,
Мати Ивася Коновченка,
Не у домѣ ся мала:
На базарѣ солодкій медъ выставляла,
Сына свого Ивася Коновченка выглядала.
Перва сотня наступае,
Вдова сына не видае.
Друга сотня вступа, самъ хоружій попереду йде,
Два козака козацького коня на поводахъ веде.
Вдова тее забачала,
Жалôбныû слова промовляла,
Славы, смертû сына свого пытала;
Всѣхъ козакôвъ на хлѣбъ на сôль закликала;
Похороны и весѣлье Ивасю отбувала;
Полковнику козацького коня даровала,
Старшимъ шаблû, пищалû Ивася роздавала.—

Полягла козацька молодецька голова,
Якъ одъ вѣтру на степу трава;
Слава не ўмре, не поляже,
Лицарсьтво козацьке всякому роскаже!...

20.

О Палѣѣ и Мазепѣ. [127]

Шведьского року несчастливого лѣта,
Не одна то душа христіянська безневинно пôйшла
зъ сёго свѣта!
То тогдѣ-то у городѣ у Лебединѣ
Царй и князй великимъ всѣ дивомъ дивовали,
Одинъ до единого словами промовляли:
„Про що-то, панове, у землѣ христіянськôй не
стало порядку ставати?“
Про то, панове, що стали проклятый бусурманы
христіянъ братами называти!—
„Хто-жъ тее зачинавъ?“
—Начинавъ тее проклятый Мазепа,
Якъ Искру й Кочубея безневинно самъ зъ сёго
свѣта зогнавъ,
Семена Палѣя на Сибиръ завдавъ.—

127. Событія Шведской войны и Полтавской побѣды такъ извѣстны, что я считаю лишнимъ пояснять эту думу и указывать въ ней нѣкоторыя неточности историческія. Она любопытна собственно по взгляду народному на *Палѣя* и *Мазепу*: первому—все добро, и вся слава; второму все зло и безславіе!

То царй и князй единъ до единого словами промовляли;
Да Семена Палѣя зъ Сибиру на Москву высылали.

Скоро-то ставъ Семенъ Палѣй,
Великимъ постомъ, весняною погодою,
До Бѣлого Царя на столицю прибувати.
То свѣтъ праведный Государь велику радость мае,
Що до себе великого лицаря Семена Палѣя у гостй сподѣвае.

То Мазепа тогдѣ якъ почувъ,
Що ёго проклятого Мазепу лихо доганяе,
До короля шведського таки рѣчи промовляе:
„Королю шведській, добродѣю, найяснѣйшій мôй пане!
Чи будемъ мы бôльше города Полтавы доставати,
Чи будемъ съ-пôдъ города, съ-пôдъ Полтавы утêкати?
Бо не дурно Москва стала насъ кругомъ оступати;
Бо ў Семена Палѣя хочъ и не великее вôйсько охотнее,
Тôльки одна сотня;
А буде нашу тысячу гнати й рубати;
Буде намъ великимъ панамъ великій страхъ завдавати!“

То король шведській тее зачувае,
Словами промовляе:

„Мазепо, безумная главо! чи ў мене вôйсько не збройне?
Чи ў мене вôйсько не панцырне?
Да я ще тую Москву могу сѣкти й рубати,
Ще не зарѣкаюсь у Бѣлого Царя й на столицѣ побувати!“

Скоро ставъ Палѣй Семенъ,
На святого отця Миколая,
Изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичомъ пôдъ Полтаву прибувати;
То ставъ король шведській изъ Мазепою тайно ўтѣкати,
На царськихъ людей ўдаряти.
Много царськихъ людей побивали;
А ў городѣ у Батуринѣ мужикôвъ да жôнокъ у пень сѣкли да рубали,
Церкви палили, святстѝ да иконы пôдъ ноги топтали,
Плиты справляли,
На той бôкъ Днѣпра утѣкали.

То Семенъ Палѣй пôдъ Полтаву прибувае,
Сѣче й рубае, на всѣ стороны якъ полову метае.
До Днѣпра прибувае, на той бôкъ Днѣпра поглядае,
Що король шведській изъ Мазепою на томъ боцѣ Днѣпра похожае.
То вôнъ-то мечемъ махае,
Словами промовляе:

„Помоли ты, Мазепо, за мене Бога, що я тебе
не догнавъ:
Альбо-бъ посѣкъ, альбо порубавъ,
Альбо живьемъ на вѣчну каторгу завдавъ!“

Земле, земле християнсько!
Егда ты була смутками и печальми наполнена,
Не знала, де родина объ родинѣ промышляе!
Дай, Боже, честь и хвалу
Свѣтъ праведному Государю!
Да й Семену Палѣю, превеликому пану,
Що не давъ Шведу християнъ на поталу!
Ой дай, Боже, усѣмъ християнамъ многiя лѣта,
Да счастливого прожитiя у сѣмъ свѣтѣ!

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПѢСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ И МАТЕРИНСКІЯ.

ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

Считаю приличнымъ начать женскія украинскія пѣсни съ *колыбельныхъ*. Ихъ напѣвы первые напечатлѣваются въ душѣ младенца, и даютъ первое ей музыкальное настроеніе. — Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень можно признать за непосредственное выраженіе самой матери; другія сложены нянями.

21. [128]

Ой спи, дитя, безъ сповитья,
Поки мати съ поля прійде,
Да принесе три квѣточки:
Одна буде дрѣмливая,
Друга буде сонливая,
А третяя счастливая.
Ой що-бъ спало — счастя мало,
Да що-бъ росло — не болѣло,
На серденько не скорбѣло!
Ой рôсточки у кôсточки,
Здоровьячко на сердечко,
Розумъ добрый въ головоньку,
Соньки - дрѣмки у вôченьки!....

128. Въ этой пѣсни слышенъ голосъ молодаго материнскаго сердца. — Первый стихъ поютъ еще такъ:
„Ой спи, дитя, да до пôвдня!“

22. [129]

По-надъ моремъ-Дунаемъ
Вѣтеръ яворъ хитае,
Мати сына пытае:
„Ой сыну мôй Иване,
Дитя мое кохане!
А чи тебе оженить,
Чи у вôйсько урядить?...
Якъ я тебе колыхала,
Усю нôченьку не спала;
Якъ я тебе зростила,
Сама себе звеселила;
Якъ я тебе оженю,
Всю родину звеселю;
Якъ я тебе въ вôйсько дамъ,
Собѣ жалю я завдамъ!“
„Мати-жъ моя рôдная,
Порадонько вѣрная!
Исправъ менѣ три трубы,
Да й усѣ три мѣдяны;
А четвертую трубу
Исправъ менѣ золоту!
У одну трубу заграю,
Якъ коника сѣдлаю;
А въ другую заграю,

129. Козачка, надъ колыбелью сына, воображаетъ себѣ предстоящую ему жизнь, и саряженье его въ войско, и разлуку съ нимъ.

На коника сѣдаю;
А въ третюю заграю,
Съ твого двора зъѣзжаю,
А въ четверту затрублю,
Середъ войська стоячи
И шабельку держучи,
Що-бъ зачула матуся,
До утренѝ идучи,
Якъ голубка гудучи!"

Ой сыне-жъ мôй Иване,
Дитя мое кохане!
Ой коли-бъ же я зозуля,
Я-бъ до тебе полинула!
„Якъ-бы мати, я сокôлъ,
Я-бъ до тебе прилетѣвъ!"

Рости-жъ, сынку, въ забаву,
Козачеству на славу,
Вороженькамъ въ расправу!

23. [130]

Ой у полѣ лобода,
Тамъ ходила удова,
Зъ маленькою дитиною.
Де ся взявъ Татаринъ

130. Вдова, надъ колыбелью дитяти, вспоминаетъ о своемъ добромъ мужѣ.

Стыдкій, брыдкій, поганый;
Хоче вдову зарубати,
Собѣ дитину забрати.
Не рубай мене, Татаринъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый!
Поведи мене до батенька въ дво̂ръ,
Батько выкупить мене!
Да пове̂въ ей до батенька;
Батько каже: не моя!—
Ой лихая година моя!
Одцуралась родина моя!

Ой у полѣ лобода,
Тамъ ходила удова,
Зъ маленькою дитиною.
Де ся всявъ Татаринъ
Стыдкій, брыдкій, поганый;
Хоче вдову зарубати,
Собѣ дитину забрати.
—Не рубай мене, Татаринъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый!
Поведи мене до свекра у дво̂ръ,
Свекоръ выкупить мене!
Пове̂въ ей до свекорка;
Свекоръ каже: не моя!—
Ой лихая година моя!
Одцуралась родина моя!

Ой у полѣ лобода,
Тамъ ходила удова,
Зъ маленькою дитиною.
Де ся взявъ Татаринъ
Стыдкій, брыдкій, поганый;
Хоче вдову зарубати,
Собѣ дитину забрати.
—Не рубай мене, Татаринъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый!
Поведи мене до милого въ двôръ,
Милый выкупить мене!
Повêвъ ей до милого;
Милый сказавъ: се-жъ моя!—
Ой добрая-жъ годиненька,
Не цуралась родиненька!

24. [131]

Мати сына колыхала,
Дня и ночи̂ не доспала:
Да думала добрый буде,
Що вôнъ мене не забуде.
Ажъ вôнъ самый пьяниченька
Й великая ледащиченька!
Де медъ чуе, тамъ ночуе;

131. Мать, выгнанная изъ дому своимъ сыномъ-гулякою, въ чужомъ дому служитъ нянкою; и поетъ пѣсню про свое горе. Изъ этой пѣсни бандуристы сложили прекрасную думу *Мать и дѣти*.

Де горѣлку, то тамъ днюе;
Въ корчму иде, выгукуе;
До-дому йде, бенкетъ веде;
Свою неньку зневажае,
Зъ двора ей выганяе.
„Да йди, нене, прôчъ одъ мене!
Будуть, нене, гостѝ ў мене,
То й не треба тебе ў мене!
Будуть кумы, побратимы,
И близькіи сусѣдоньки;
Будуть кумы у жупанахъ,
Побратимы у луданахъ,
Сусѣдоньки въ кармазинѣ,
А ты, мати, въ сѣрячинѣ!“

Пôйшла мати тыняючись,
По-пôдъ тынью валяючись.
Пôйшла мати да плачучи,
Свого сына проклинаючи.
—Що-бъ ты, сыну, счастя не мавъ,
Що ты мене зъ двора прогнавъ!
Де хаточка тепленькая
И дитина маленькая,
Пôйду туда ночовати
И дитины колыхати!

Ой пôйшовъ сынъ блукаючи,
Матусеньки шукаючи.
„Ой лихая годинонька,
Одцуралась родиноньк;

Одцурались мене кумы,
Мой кумы, побратимы,
И близькій сусѣдоньки!
Да йди, нене, зновъ до мене!
Буду тебе поважати,
Буду тобѣ постѣль слати,
Буду тебе укрывати!
Чи мяккая постѣль моя,
Чи мякко я славъ тобѣ?"

—Ой мяккая постѣль твоя;
И мякко-жъ ты пославъ менѣ,
И легенько одѣвъ мене!—

25.

Сонъ. [132]

Ой ходить сонъ по улоньцѣ,
Въ бѣлесенькой кошулоньцѣ;
Слоняеться, тыняеться,
Господоньки пытаеться.

132. Эту прекрасную пѣсенку поютъ и въ такомъ видѣ:

Ой ходить сонъ коло вôконъ,
А дрѣмота коло плота.
Питается сонъ дрѣмоты:
Де будемо ночовати?—
Де хатонька тепленькая,
Де дитина маленькая!

„А де хатка теплéсенька,
И дитина малесенька:
Туда пойду ночовати
И дитины колыхати!“
—А ў насъ хата тепленькая
И дитина маленькая;
Ходи до насъ ночовати
И дитины колыхати!
Ходи, сонку, въ колысочку,
Приспи нашу дитиночку!...

26.

Котъ. [133]

А, а, коте!
Дитина спать хоче;
Ой хоть, хоче, да не спить,
Треба кота дубцемъ бить!

* * *

А, а, котино!
Засни, мала дитино!
Ой на кота воркота;
На дитину дрѐмота!

132. Котъ издревле на Руси считается *баюномъ* и сказочникомъ. Вотъ цѣлый рядъ колыбельныхъ пѣсенокъ объ котѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, сложены дѣвочками, которымъ обыкновенно поручается убаюкивать и тѣшить своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ.

Ой на кота все лихо;
Ты, дитино, спи тихо!
Ой ко̂тъ буде воркотати,
Дитиночка буде спати!

* * *

Ой ко̂тъ, ворко̂тъ,
Да на во̂конечко ско̂къ;
А зъ во̂конця въ хижку.
Поймавъ котикъ мышку,
Кинувъ у колыску;
Мышка буде грати,
Котикъ воркотати;
Дитя буде спати
И счастячко мати!

* * *

По̂йшовъ котокъ на торжокъ,
Купивъ собѣ кожушокъ.
Треба съ кота зняти,
Да дитинцѣ дати,
Що-бъ тепленько спати!

* * *

А, а, котку!
Не лѣзь на колодку,
Бо забьешъ головку;
Да буде болѣти,
Нѣчимъ завертѣти.
Одна була хустина,

Да й ту дѣти ўкрали,
На куклы подрали;
Куколъ наробили,
Кутокъ засадили.

*
* *

А, а, люлй!
А котовй дулй,
А дитинѣ калачй,
Що-бъ спала въ день и въ ночй!

*
* *

А, а, коточокъ!
Укравъ у бабы клубочокъ,
Да понёсъ до Галй,
Положивъ на лавѣ.
Стала Галя котка бить:
Не ўчись, коте, красти,
Да ўчися робити,
Черевички шити!
Да не дорогій,
По три золотый;
Да не сйхъ шевцôвъ,
Переяславцôвъ;
Да не сёго ременю,
Привезено съ Кременю;
Не сіей работы,
Привезены чоботы;
Да не наській,
Да черкаській.

А, а, коточокъ!
Заховався въ куточокъ,
Поймавъ собѣ мышку,
Да зъѣвъ у затишку.

* * *

Коте сѣрый,
Коте бѣлый,
Коте волохатый!
Не ходи по хатѣ,
Не буди дитяти:
Дитиночка буде спати!

27.

А, а, люлечки!
Шовковый вѣрвечки,
Золотый бильця,
Срѣбны колокôльця,
Малёвана колысочка:
Засни, мала дитиночка!

28.

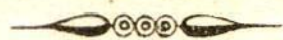
А, а, гойда!
Чужа мати пойда;
А нашая панѝ,
Ходить у жупанѣ!

29.[133]

Трясѣтеся, рубцû![134]
Дивѣтеся хлопцû:
Якъ сука робить,
Такъ вона й ходить!

* * *

Чуки-чуки, до мачухи!
А ў мачухи млинцû печуть,
И маслицемъ помазують;
Хлопцямъ дулю показують.



133. Эти пѣсенки припѣвають, когда тѣшатъ дѣтей на рукахъ, подкидывая вверхъ.

134. *Рубцы* — т. е. рубища (пеленки). Ведется донынѣ повѣрье у матерей, что для дитяти до году не должно шить ничего изъ новой ткани.

ПѢСНИ МАТЕРИНСКІЯ.

Вотъ нѣсколько пѣсень изъ числа тѣхъ, которыя можно признать за непосредственное выраженіе самой матери.

30 [135]

Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ вôйсько оддала.
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середульша хустку качала,
А наймолодша выпроважала;
А мати ёго выпытовала:
— Сыну мôй, коли пріѣдешъ до насъ? —
„Тогдѣ я, нене, пріѣду до васъ,
Якъ павине пêрье наспôдъ потоне,
А млиновый камêнь наверхъ выплыне!“
Уже-жъ млиновый камêнь наверхъ выплынувъ,
Уже й павине пêрье наспôдъ потонуло;
А ще мого сына въ гостину не видно!
Выйшла на гору: ой всѣ полки йдуть;

135. Эта *думка* или баллада украинская должна быть очень давняя. Она сложена, конечно, матерью.—Примѣчательно въ ней изображеніе невозвратности — павлинымъ перомъ и мельничнымъ камнемъ. Оно напоминаетъ, какъ еще во времена Владиміровы, говорили богатырю Добрынѣ Волжскіе Болгары: „толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути!“ (изъ Лѣтоп. Нестора).

То мого сына коника ведуть!
Пытала вона всей старшины:
Чи не бачили сына сокола?
„Чи не то твôй сынъ, що сêмъ полкôвъ ўбивъ,
За восьмымъ полкомъ головку схиливъ?
Зозуля лѣтала, надъ нимъ куючи;
А коники ржали, ёго везучи;
Колеса скрипѣли, пôдъ нимъ котючись;
Служеньки плакали, за нимъ идучи.“

31.

Ой добрая годинонька була,
Якъ матуся свого сына била;
А вôнъ же êй покорився,
Да у нôженьки поклонився:
„Ой якъ будешъ мене, мати, бити;
То не буду на Украйнѣ жити!
Ой пôйду я съ туги на чужину;
И тамъ же я, мати, не загину!“

—Ой вернися, мôй сыну, вернися,
Да въ голубый жупанъ приберися!
Подивлюся, мôй сыну, на тебе:
Чи е такій козакъ на Украйнѣ,
Якъ ты ў мене, мôй сыну ўродливый?
Ой не жалкуй, мôй сыну, на мене;
Не дай, Боже, пригоды на тебе!
Якъ ты будешъ пострелянъ, порубанъ,
Ой хто-жъ тобѣ раноньки промые?

„Въ полѣ, мати, дрôбенъ дощикъ иде:
Ой той менѣ ранoньки промые!“

— Ой не жалкуй, мôй сыну, на мене,
Не дай, Боже, пригоды на тебе!
Якъ ты будешъ въ степу помѝрати,
Ой хто-жъ тобѣ головку оплаче?

„Въ полѣ, мати, чорный воронъ кряче:
Ой той менѣ головку оплаче!“

32.

Ой мандровавъ молодый козакъ, да мандровавъ
стиха;
Вôнъ не зъ добра, не зъ роскошѝ, а зъ великого
лиха!
Якъ мандровавъ, шапочку знявъ, всёму роду уклонився;
Якъ изыйшовъ на битый шляхъ, да слêзоньками
ўмывся.
Ой не плачте вы, карій очѝ, одъ роду мандруючи;
Заплачете вы, карій очѝ, на чужинѣ горюючи!
Ой не ржи ты, вороный коню, зъ двора ѣдучи;
Заржи ты, вороный коню, на круту гору йдучи:
Нехай зачуе моя ненька, безъ мене горюючи!

А ненька зачула, важенько здыхнула:
Ой гаю-жъ мôй, гаю! ой гаю-жъ мôй, гаю!
Котору дитину кохала, любила, крàй себе не маю!

33.

Ой не шуми, дубрôвонько, ой не шуми, зеленая,
А у три ряды сажена!
Черезъ тебе, дубрôвонько, черезъ тебе, зеленая,
Протоптана дорôженька.
Туды ишла стара мати — сильне плаче и рыдае,
Слêзми моря доповняе.
Не плачь, не плачь, стара мати! слêзми моря не доповнишъ,
Сына зъ вôйська не вызволишъ!

34.

Ой у полѣ озеречко,
Тамъ плавало вѣдеречко,
Тамъ козаки молодыи̂
Кониченьки наповали.
Кони̂ иржуть, воды не пьють,
Воны на себе походъ чують.

„Коли-бъ же вы, вороныи̂ кони̂, а походу не сходили,
Якъ вы мою головоньку а навѣки утопили!
Утопили головоньку у чужую сторононьку,
У чужую сторононьку, да на чужиноньку!“

Злетѣвъ пѣвень на ворота, да й сказавъ: кукурѣку!
Не сподѣвайсь, мати, сына съ походу ӯже довѣку!

—Да коли-бъ же я зозуленька, то-бъ я собѣ криль-
ця мала;
Ой стрепенулася, полинула-бы, а до свого сына
Ивана;
То-бъ я свого сына Ивана и у гробѣ познала!
Злетѣла-бъ я на могилу, да й сказала-бъ я: куку!
Ой сыну мôй Ивашечку, подай бѣлу руку!—

„Ой радъ бы я, моя мати, обѣ-двѣ подати:
Насыпано сырой землѝ да на грудоньки менѣ,
Склепилися карѝ очѝ, охъ, и устоньки мои!“

35.

Чи се тая удôвонька, що на углѣ хата;
Хорошую мае дочку, сама небагата?....
Ходить козакъ по улицѣ, нѣчимъ замутиться:
„Добри-вечôръ, матусенько, дай воды напиться!
Пусти дочку на улицю хоча подивиться!“

Стойть вода у кубочку, коли хочь, напійся!
Сидить дочка ў вôконечка, такъ ты й подивися!
Не для того, козаченьку, дочку годовала,
Що-бъ я ее на улицю гуляти пускала.
Годовала собѣ дочку для своей пригоды,
Що-бъ принесла изъ крыницѝ холодной воды.
Згодовала, згодовала, да й намалёвала,
Дала я ей счастя й долю, а що-бъ пановала!

36.

„Ой дбай, мати, дбай, да дочку за-му̂жъ дай;
Ой не дай мене за пьяницю, бо менѣ у̂роды жаль!
Бо моя урода, якъ повная рожа:
И на личеньку румяненька, и на стану гожа!“
— Ой доню моя,
Угадай же сама;
Угадай, выбирай,
Своей красы не теряй,
Бо ще молода!—
„Ой мати моя,
Ой гадала-жъ я;
Да не у̂гадала,
Свою красоньку у̂теряла,
Хоть я й молода!“
— Ой дивно-жъ, дивно,
Дочки не видно:
Утопила-жъ я свою доненьку
Въ крыницю глыбоченьку.....
Въ крыницѣ на днѣ холодна вода;
Утопила-жъ я доненьку, хоча й молода!—

37. [136]

Да по заростають стежечки й доро̂жечки,
А де походили мои̂ бѣленьки но̂жечки!

136. Эта пѣсня, по содержанію, сходна съ тѣми свадебными, которыми въ *недѣлю*, передъ разлукою матери съ дочерью, *завдають жалю* имъ обѣимъ. Но напѣвъ этой пѣсни не свадебный.

Да позаростають шовковою травою,
А де походили, матѣнко, изъ тобою!
Да будешъ, матѣнко, травицю прогортати;
Да будешъ, матѣнко, слѣдочки познавати!
Да будешъ, матѣнко, до слѣду припадати,
Що нѣкому буде головки обыськати!
Да будешъ, матѣнко, якъ голубонька густи,
Що нѣкому буде водицѣ принести! —

38.

Въ недѣлоньку рано, якъ сонечко грало,
Выряжала мати дочку въ чужу стороночку.
Не плачь, не плачь, мати! не плачь не журися;
Ой якъ выйдешь на битый шляхъ, слѣзоньками ўмыйся!
Слѣзоньками ўмыйся, рукавцемъ утрися;
А за мною молодою, мати, не журися!"
—Охъ идешъ ты, доню, мѣжъ чужій люде:
Ой хто-жъ тебе, доню моя, жаловати буде?—
„Да пожалують, мати, мене добрѣ люде:
Робитиму, годитиму — добре менѣ буде!"

39.

Ой мала я журитися, нехай на петрôвку!"[137]
Да заберу дѣтей въ торбу, пôйду у мандрôвку!

137. *Нехай на петрôвку:* это пословица.

Ой дѣти мой, дѣти, маленькій пташки!
Да вы-жъ менѣ въ злой годинѣ, ни мало не важки!

Ой васъ, мой дѣти, на свѣтѣ не-скôлько:
Усѣхъ-бы-то нà-всѣхъ — тôлько двадцятêрко!

Ой чотырй старшй сыны — оруть нивы въ полѣ;
А чотырй малы сыны — сидять собѣ въ домѣ:

А десятокъ дочокъ на-дóсвѣтки ходять; [138]
А ще двохъ годую — у некруты вхоплять!

40. [139]

Чи се тый чоботы, що зять давъ;
А за тый чоботы дочку взявъ?
    Чоботы, чоботы, вы мой!
    Чомъ не хочете робити менѣ!
На рѣчку шли чоботы, рипали;
А зъ рѣчки шли чоботы, хлыпали.
    Чоботы, чоботы изъ бычка!
    Не хочете робить дѣла, якъ дочка!

---

138. *Дóсвѣтки* — посидѣлки. Объ нихъ подробнѣе будетъ сказано при пѣсняхъ *досвѣтчаныхъ*.

139. Выдавая за-мужъ свою дочь, мать получаетъ за нее отъ зятя пару сапоговъ; и потому они имѣютъ для нея важное значеніе. Подгулявши на *беседѣ*, мать поетъ эту пѣсню почти всегда сквозь слезы.—

ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ ВЫГОВОРѢ.

1. Букву *ѣ* произносите всегда какъ острое или тонкое *и*. Написано: возьмѣте, собѣ, хлѣбъ, ѣжте; читайте: возьмите, соби, хлибъ, ижте.

2. Когда буквы *и, і,* написаны съ паеркомъ (и̑, і̑) тогда должно выговаривать ихъ остро или тонко (напримѣръ въ словахъ: *и̑хъ, кони̑, сині̑й*). Но когда буквы *и, і,* стоятъ безъ паерка, тогда онѣ выговариваются наравнѣ съ *ы*, но не такъ дебело какъ великорускoе *ы*, котораго совсѣмъ нѣтъ въ украинскимъ выговорѣ. (Мы, ходили, тихій: здѣсь *ы, и, і,* одинъ и тотъ же звукъ —*легкое и*, почти неизвѣстное великорускому выговору).

3. Всѣ гласныя буквы написанныя съ паеркомъ (*а̑,е̑,о̑,у̑*) выговаривайте какъ *тонкое и* (кра̑й, каме̑нь, ко̑нь, за-му̑жъ: крій, каминь, кинь, за-мижъ).

4. Букву *е* тогда только выговаривайте какъ *йо*, когда она надписана двоеточіемъ (*ё*).— Въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ, буква *е* выговаривается остро. Послѣ согласныхъ она большею частью имѣетъ дебелый выговоръ. (Слѣдовалобы тогда и писать ее *є*, въ отличіе отъ тонкаго или остраго *е*).

5. Когда *у* сокращается въ полугласный звукъ, похожій на *в*, тогда пишется *ў* (да ўже, наўчились).

6. Когда послѣ буквъ *л, н, д, т, с, з, ш*, написанъ *ь* и потомъ гласная буква, тогда эти согласныя удвояются; напримѣръ: ро̑лья, коханье, судья, выговариваются: рилля, коханьня, судьдя.



ОПЕЧАТКИ.

Страница	*Строки:*	*Напечатано:*	*Читайте:*
4	14	1574	1564
6	5	1637	1638
16	3 снизу	уселѣ	у селѣ
49	2 снизу	краковѣ	Краковѣ
55	26	Богунь	Богунъ
57	20	1637	1638
65	13	ихъ	ӥхъ
67	2	*Курсунскую*	*Корсунскую*
64	18	Чигиринскій	Черкаскій
77	2	валӥ	вали
96	1 снизу	саряженье	снаряженье
98	21	у	въ
102	15	хоть, хоче	хоть хоче

